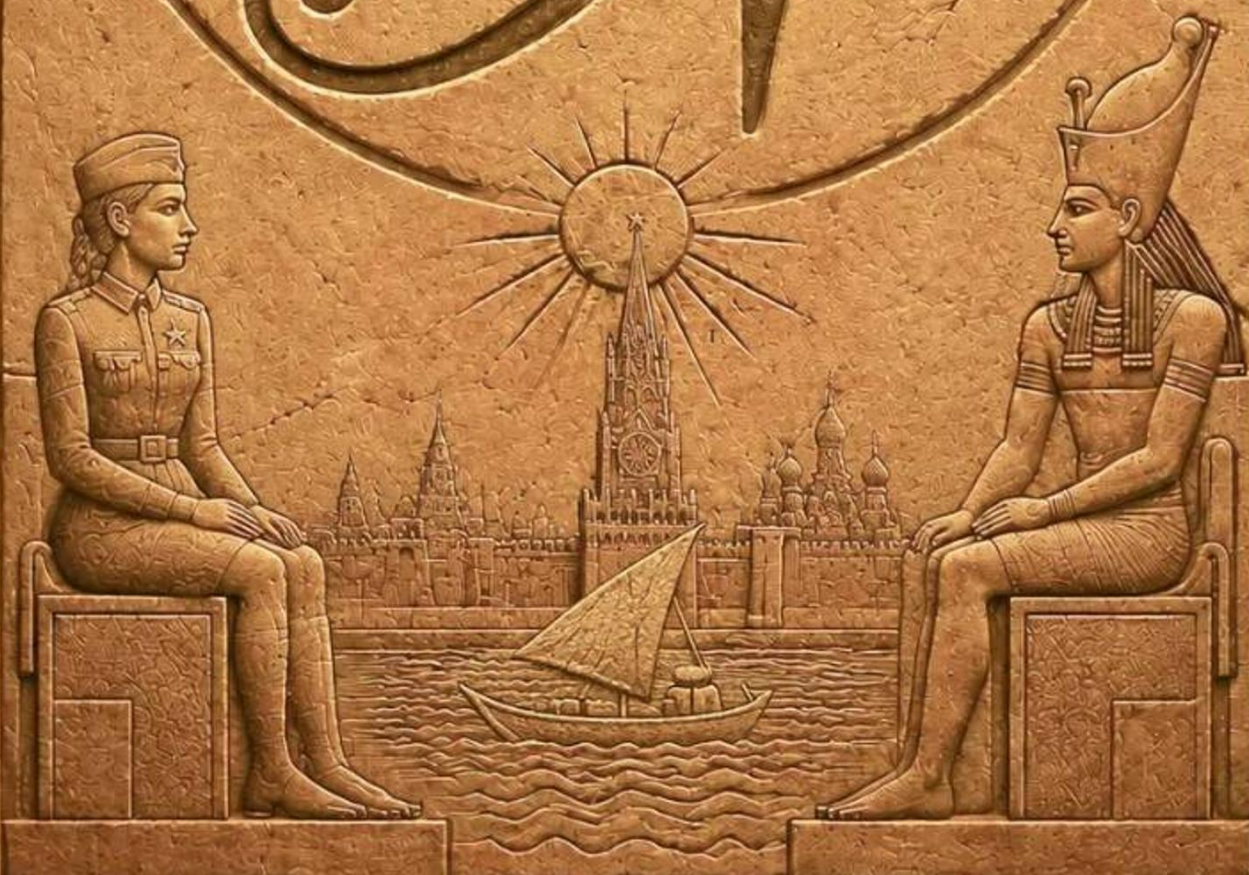

СЕДЬМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Слава Лошадка

Слава Лошадка

Седьмая реальность

«Автор»

2026

Лошадка С.

Седьмая реальность / С. Лошадка — «Автор», 2026

Юного Алексея ждет увлекательная жизнь — Египет, раскопки среди древних пирамид. Но таинственная находка, обнаруженная в скрытой комнате под Сфинксом, изменит его судьбу навсегда. Теперь смерть для него — не конец, а дверь, вот только не он выбирает, какая откроется следующей. Героя швыряет из эпохи в эпоху, из реальности в реальность, будто по маршруту ведет кто-то свыше. Пункт назначения известен лишь этому кому-то, но кто он такой? Зачем ему мальчишка родом из лихих девяностых, выросший в невольного странника по мирам? И как герою сохранить человечность, если единственный способ существования теперь — умирать, проживая все более пугающие, абсурдные варианты бытия?

© Лошадка С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Подземный город	9
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	44
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Слава Лошадка

Седьмая реальность

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для восприятия полной картины надо найти причину, а следствие не заставит себя долго ждать. Ведь вся наша жизнь — сплошная череда причинно-следственных связей. Любое движение, поступок или слово ведет к следствию. Сейчас, когда я пишу, понимаю это. А в том далеком 1993 году мне всего десять лет, и я несусь на рынок за водкой для родителей. Худенький, нестриженный и грязный, в огромной отцовской куртке из потертого козжама, ежедневно избиваемый и по три дня не кормленный, но ничем не отличающийся от большинства своих сверстников.

Хватало в то переломное время всякого. Постсоветская разруха, приведшая к тяжким последствиям... Да что говорить, страшная пора, беспощадная, анархическая. Где супротив коллективизма и дружбы народов выставлялась вперед разобщенность, где каждый сам за себя, наглая обособленность, сметающая преграды, идущая по головам, не знающая морали и границ. Стоит ли говорить о вылезших из ниоткуда «малиновых пиджаках», разборках, путанах, беспризорниках и повальном затуманивании обществом своих мозгов алкоголем и наркотиками? Думаю, не стоит. Потому как речь пойдет не об этом. И повествование вовсе не о лихих девяностых. Хотя употребление моими родителями алкоголя сыграло здесь самую что ни на есть решающую роль.

Но начну я с преступления. Преступления, которого могло и не случиться, если бы не щенок. Но в первую очередь нехватка денег, данных отцом на спиртное, поскольку цены в девяностые росли каждый день, а вернуться домой с пустыми руками — страшнее смерти. И вот сижу я на ступенях убогого чипка, что заполнили тогда рынки, и смотрю на себя в витрину — голодный белобрысый волчонок с вытаращенными, напуганными, блеклыми глазенками, взъерошенный и поливаемый промозглым дождем со снегом. Я в отчаянии всматриваюсь в лица прохожих, но они сухи и враждебны.

Люди плывут мимо тусклым безрадостным потоком, уткнувшись взглядами себе под ноги и лишь изредка поднимая глаза, а в них — вопрос: «Как так получилось, что мы в беде? Мы голодны и обездолены?» Но нет сейчас для них ответа. Все одинаковы. И, несмотря на напускную веселость подвыпивших, зазывающих к себе торговцев, несмотря на потоки музыки из хаотично натканных тут и там ларьков и танцующих вокруг них алкашей, все хмуро, напряженно, нервно. К любому из толпы поднеси спичку — и будет взрыв.

Ноябрьский ветер гонит рябь по лужам и пронизывает насквозь через тяжелую, набрякшую от воды отцовскую куртку. Ноги в старых кедах промокли, но я ничего не чувствую. И дрожу не от холода, а от страха. Ведь не зажили еще раны от предыдущих приступов отцовской «любви к воспитанию». Под глазом синяк, в ушах — звон от оплеухи, и зад саднит от недавнего пинка «для ускорения». Странно, но мне не жаль себя. Я давно привык так жить. Для меня голод и холод не так страшны, как побои, а побои не так страшны, как детский дом.

В последнее время мне напоминают об этом месте постоянно. Меня пугают им родители, друзья родителей и мои друзья-беспризорники, уже там побывавшие и успешно сбежавшие из застенков. При слове «интернат» глаза их округляются в страхе. А поскольку я мал и лишен пока навыков зрелого анализа, то представляется мне это заведение чем-то вроде пыточной. Лучше уж побои и лишения, чем туда!

Однако сиди не сиди, а надо возвращаться домой. Одна только мысль о реакции отца на то, что я не принес ему «лекарство», как он называл спиртное, вгоняет в ступор, и поэтому я

не могу сдвинуться с места. Из забегаловки доносился запах выпечки и жареной капусты. Я втянул его ноздрями, закрыл глаза и побренчал мелочью в кармане. «Эх, были бы эти деньги мои! Я бы купил беляшей...»

Воображение тут же нарисовало картины из прошлого. Из времени «до». Праздничный стол, заставленный советскими деликатесами: оливье, шпроты, печеная курица с картошкой. Такими понятными тогда и такими недостижимыми в эту минуту. Грезится мне торт, что выносили в конце, после того как все уже наелись, что резали скрупулезно и филигранно и раздавали по головам. А места в животах уже нет — все сыты. И значит, большую его часть соберут с тарелок и отправят в холодильник, чтобы полакомиться завтра. И от этого предвкушения даже спать ложиться как-то радостней.

Не открывая глаз, я нащупал на своей впалой мальчишеской груди крестик, подаренный мне бабушкой. И пока мысли мои направлены в сторону торта, пока еще не омрачены безысходностью ситуации и осознанием предстоящей встречи с отцом — я молюсь. Делать этого я особо не умею и не имею еще никакого понятия о Боге и вере, а потому просто загадываю желание, в конце обязательно «Аминь» и поцелуй.

И загадал я тогда, насколько помню, торт и беляшей, что своим ароматом сводили мой пустой желудок с ума. А когда открыл-таки глаза, передо мной уже сидел он. Щенок. С этого момента и затикала бомба. И была в этом предпосылка к преступлению. Щенок — черно-белый, крупный, обычная дворняга, коих не счесть. Хвост у него толстый и крючком, но, кроме хвоста, ничего больше толстого — кости, обтянутые кожей, мокрой кожей, плешистый, и лапа подбита. То и дело он наклонялсялизать ее, а полижет — и прижимает заискивающе уши, смотрит слезящимися выпуклыми глазами, будто плачет, и елозит по грязи своим толстым хвостом. Я погладил его, а зря, не надо было его трогать, надо было бежать домой, пока не поздно, пока я еще не обезумел, но поздно — погладил. Щенячий хвост забился, разбрызгивая вокруг жижу, а пес тихонько засвистел.

— Что? Голодный? Замерз? — спросил я.

Щенок привстал, прихрамывая, обернулся вокруг своей оси и ткнул холодным носом в мою руку.

Я вздрогнул и вздохнул:

— Нечем мне помочь тебе, самому не лучше...

Щенок задрожал и вскинул лапу мне на колено. Задел карман с деньгами — гулко брякнуло мелочью... Гулко брякнуло в моей голове, словно сигнал к действию — сигнал совершить поступок, за который потом расплата. Расплата, меняющая судьбу.

И то, что только брякало, засвербило навязчивой мыслью: «На бутылку не хватает, и так получать на орехи от отца... Я одинаково буду бит, так почему бы не за дело хотя бы?» К мыслям прибавились плачущие собачьи глаза и одурманивающие запахи из забегаловки. В минутном порыве бесшабашности и ослеплении разума в три коротких прыжка я преодолел ступени и достиг дверей кафе.

Забежал, тяжело дыша, высыпал мелочь на шербатое блюдце и, словно боясь передумать, прокричал:

— Мне беляшей! На все!

Продавщица выпучила на меня хмельные глаза и, жуя жвачку напомаженным ртом, пробурчала:

— Че орешь-то?

Не спеша пересчитав деньги, она хмыкнула, взяла салфеткой два беляша и протянула мне. Это немного разочаровало, но отступать некуда.

— Че орал?..

Щенок все еще здесь, передвинулся на мое пригретое место и лег, свернувшись калачиком.

— По-братски! Не обижайся, что мало...

Он не обиделся. Съел один из двух беляшей и смотрит влюбленными глазами. Второй быстро исчез в моем пустом животе, и все! Теперь домой! Но я уже жалею о содеянном, паника охватывает меня и тоскливо сосет под ложечкой: «Что же я наделал? Что же теперь будет?» Душа от страха ухает вниз и стучится сердцем в животе.

Я обхватил голову руками и зажмурился. Равнодушный ветер задувает в правое ухо, по спине бежит вода, меня трясет от холода и непонятного чувства стыда. Преступление, я совершил преступление! Вот оно.

— Эй, парень... — слышу я голос. — На, возьми!

Я открыл глаза и увидел своего отца. Это он — и не он. Рядом со мной отец, но моложе и без следов алкоголизма на лице. Я в недоумении. Но в руках у него пакет с беляшами, и он сует его мне.

— Не наелся ведь, возьми! Больше ничем помочь не могу, нельзя нарушать хода... Крепись, парень, дальше будет легче... — Он потрепал меня по голове, погладил щенка, а тот, словно узнал его, затанцевал, закружился и заскулил от радости. Затем незнакомец ушел, смешался с серой массой людей, будто его и не было. А я сидел, вздрагивая от неожиданности, словно увидел привидение, и оторопело ел беляши, не забывая подкармливать собаку, которая смотрела в толпу, выискивая глазами растворившегося в ней человека.

А дальше было убийство. Мое убийство. Сначала была дорога, увязавшийся за мной Дружок, как я окрестил щенка, вечеряющие улицы города, от этого не становившиеся менее людными, холод, который не было уж сил терпеть, и дождь, который даже не думал прекращаться. Потом захламленная, провонявшая помоями и табаком прихожая. И моя слабенькая надежда на благополучный исход — ведь я ребенок и верю еще в чудеса. А вдруг забудут, куда меня посылали? А вдруг? Да и тот молодой человек, так похожий на отца, сказал, что будет легче. Но чуда не случилось, потому как потом был тот мой отец, что пьянь подзаборная и хочет похмелиться.

Из родительской спальни, хрипло кашляя, бормоча сквозь заматую бороду ругательства, водя красными глазами в полумраке квартиры и трясаясь каждой клеточкой тела, он выполз и пошел ко мне навстречу с протянутой рукой, как бы собираясь взять то, чего так долго ждал. Но мне нечего было вложить в эту руку. От страха и предчувствия я сжался, втянул голову в плечи и зажмурился.

— Где? — прохрипел он так близко, что я почувствовал его зловонное, угарное дыхание.

— Я потерял деньги...

На мгновение разлилась тишина. Немая, пропитанная электрическим напряжением тишина. Я приоткрыл один глаз. Отец тяжело дышит, он не верит, он осознает. И в этот момент угораздило меня икнуть. А вместе с икотой, вероятно от ужаса ожидания расплаты, — отрыжка. Предательский дух только что съеденных беляшей невидимым лазутчиком залетел в ноздри отца. И он все понял.

— Жрал? — Он так близко, что борода его щекошет мое лицо, а я отстраняюсь, как привык поступать, когда он бьет меня, и смотрю будто со стороны. Слышу собачий лай — это Дружок почуял неладное и пытается защитить нас.

— Это еще что? — шипит отец и со всей своей непохмеленной силы бьет собаку в живот. Дружок визжит, прячется в ногах, я наклоняюсь, пытаюсь закрыть его собой.

— Он не виноват! За что?.. — закричал было я, но не успел продолжить, потому что прилетело мне в голову, да так сильно, что странно, как я еще остался в сознании. Я упал, а глаза отца совсем помутились, злобой перекосило его лицо, и через мгновение, когда гримаса стала больше походить на улыбку сумасшедшего, он продолжил методично, целенаправленно и медленно долбить в мою голову. Будто хотел расколоть ее и посмотреть, что там внутри. Я не

кричу, только пытаюсь прикрыться руками, но это плохо помогает, ведь отец силен, несмотря на свое состояние, да еще и оттягивает мои руки, чтобы ударить в лицо.

Сквозь звон в ушах слышится шарканье. Как в тумане, словно привидение, выныривает из спальни мать. Ничего уже нет от нее прежней, полнотелой, цветущей, всегда наивно улыбающейся. Теперь она — изможденная непрекращающимися попойками баба, со всколоченными волосами, впалыми тусклыми глазами и обескровленным беззубым ртом. Она шамкает что-то в мою защиту, но бессильно, ведь так же боится попасть под горячую руку. Машет рукой и уходит на кухню, там включает воду, и слышится мне бормотание. Что-то вроде «не лезь!» и «убьет ведь пацаненка!»

Экзекуция надо мной продолжается. Здесь не избиение — здесь убийство. Детоубийство. И в глазах у меня от боли прыгают уже огненные мухи, и я уже готов, согласен умереть, лишь бы все скорей закончилось и меня оставили бы в покое.

Тревожный стук кухонной двери, и щуплая рука приятеля отца тянет несмело его рукав: — Оставь его... есть еще денежка-то, во... смотри...

Отец медленно поворачивает голову, дыхание его прерывисто, немигающий, пустой взгляд выхватывает купюру, зажатую в дрожащей руке.

— Оставь его...

Отец и сам уже потихоньку приходит в себя. Он устал. И глядит с облегчением на банкноту, но кричит и в последний раз прикладывается к моей пробитой черепушке. Решающий, видимо, раз, потому что я теряю сознание.

Что-то холодное и мокрое тычется в меня. Дружок, выбравшись из угла, где он прятался все это время, поскуливая, слизывает кровь с моего разбитого лица. Взрослые уже забыли обо мне, и из кухни доносятся обсуждения, чего и сколько брать. Я едва приподнялся и уселся на пятую точку, облокотившись о стену. С равнодушием ощупал голову — лицо всмятку, голова трещит, и все в кровище. А еще сперло дыхание, и к горлу подкатывает тошнота. Я попытался встать, оперся на одно колено, и все вокруг закружилось, запрыгало, тошнота стала нестерпимой, и меня вырвало. Злополучными беляшами, минутной слабостью, моим преступлением, за которое теперь расплата.

Меня рвало и рвало, я заблевал все полы в прихожей. И опасаясь, что отец вместо тряпки, вытрет их мной или собакой, открыл дверь, и выполз на лестничную клетку. И щенок рвался наружу, будто говоря: «Бежим, хозяин! Уносим ноги отсюда!»

Идти мне некуда, но потребность в бегстве — есть. Да и оставаться после того, что случилось, не представлялось возможным. И потому, скрепя сердце и поддерживая руками голову, я встаю и бегу вниз, на улицу. Мысли лихорадочно крутятся в поисках выхода из положения. Кое-как я умылся из лужи и на подгибающихся ногах поплелся подальше от подъезда в сторону вокзала. Теперь должна быть встреча.

Небо клубится сизыми тучами, злой ветер гонит и сталкивает, превращая их в рыхлые комья. Темнеющий горизонт, мерцает лиловым и малиновым, угрожающе шелестят деревья. Я одинок, со мной только щенок, но и в нем нет поддержки. Он так же беззащитен и ранен, как я. Мимо снуют прохожие, и им нет до нас дела — время такое. По краю тротуара дома, в них загораются окна, но дома для нас пусты, а двери закрыты. Безразличное время, глухое и слепое к таким, как я.

Подземный город

Глава 1

2005 год. Время нового мира, зачатков нового формата жизни, время развития новых технологий, где за сверкающими витринами — мировые бренды, а люди на уикенд мотаются за границу. И модно здесь быть волонтером, ведь милосердие и жалость к менее удачливому ближнему — в приоритете, если не у каждого, то у многих. Всего двенадцать лет прошло, и вот тебе — Бог, вера, вот тебе благотворительные организации. Бомжи и беспризорники теперь редкие гости на улицах — прибежищем им стало сострадание человека. Повторюсь, не каждого, но многих. Коснулось это и моей семьи: после скоропостижной смерти отца мать надела юбку в пол, косынку и пошла в православие, а очень скоро, освоившись, и меня привлекла к посещению церкви. А я и не отказывался, всячески содействовал ей, благо не пила больше, да и ладно...

И в этом времени я — светлоглазый, высокий, бледный «ботаник», только выпустившийся из вуза, и горю нетерпеливым желанием работать.

— Поедешь в командировку? Готов? — спросил начальник отдела, промокнув платком потный лоб. — Фуф, жарница! — и погрозил кулаком сломанному кондиционеру.

У стены в ряд сидели четверо. Начальник махнул в их сторону.

— Вот твоя команда, будешь их стажером, так сказать... помощником по хозяйству. Они ребята опытные, подучишься пока, осмотришься...

Я сразу представил, как буду только и делать, что готовить еду и заваривать чай.

— Но у меня красный диплом... — начал было я, но начальник не стал слушать.

— Так ты едешь или нет?

Я кивнул.

— Вот и хорошо! Все, идите, знакомьтесь! — Он замахал руками в сторону двери. — Вылет в воскресенье, в десять утра. Билеты и деньги на довольствие у секретаря. Удачи! — и снова: — Фуф, ну и август!

Мы вышли из кабинета в прохладу коридора.

— Ваню, просто грузин! — протягивая руку, представился самый молодой из четверки и улыбнулся белозубо. — А это Семен Андреич, Стас и Василий, просто русские! А вместе мы легендарная четверка мушкетеров! Ха-ха!

Тот, кого представили Стасом, длинный, сухопарый мужик с бородкой, шикнул:

— Шутка уже устарела!

Семен Андреич, мягкий, рыхлый, в мешковатом льняном костюме, добавил:

— Повысили его, вот и радуется, — и, глядя на меня: — Недавно еще на твоём месте был...

— Алексей! — сказал я и пожал руки своим новым знакомым. — А куда мы едем-то?

— Не едем, а летим! В Египет! Там под Сфинксом комнату нашли, надо осмотреть, запротоколировать, ковырнуть что-нибудь, пока власти Египта добро дают!

Говорили они по очереди — Семен Андреич, Стас и Ваню, а Василий молчал. Я посмотрел в его сторону вопросительно.

— Мечтатель! — объяснили мне. — Ладно, пошли к секретарю оформляться.

Легко мы познакомились, и легко я стал одним из них. Хорошие ребята, поисковики, романтики, больные своим делом и заражающие окружающих, они были веселые и юморные. Выделялся только Василий — высокий, широкоплечий, с мужественным лицом, он мало говорил и всегда был задумчив, но я быстро привык и к этому. Эта четверка давно колесила по

миру и имела за спиной такой багаж опыта и впечатлений, что не всегда могла держать его в себе. Все их разговоры по большей части состояли из баек, шуточных историй, а самое главное — мистики. Все, любой поворот событий, перекраивался в таинственную сказку, полную пришельцев, колдунов и заговоров. Но это только разговоры — на деле же они были настоящими профессионалами, фанатами археологии и высокочеловеческими специалистами.

На сборы нам дали чуть больше недели. Я был в нетерпении и недоумении. Что же взять? Но энергичный Ваню отдал мне свой дорожный набор — примус, набор котелков и складной мангал. Остальной инструмент в виде различных скребков, зубил, лопаток и кистей разных размеров мне выдали в конторе. Также объяснили, что руководителем у нас будет некто англичанин Ричард К., и велели слушаться его во всем. (А то знаю я вас, любителей обострять международную обстановку!)

Я уже предвкушал поездку и, вернувшись домой, опешил, когда плачущая мать подала мне повестку в армию. Надо было срочно что-то предпринять. Я понимал: если попытаться сделать освобождение по здоровью, что было реально, учитывая мой диагноз, связанный с той старой детской травмой головы, это займет кучу времени. Обследования, диагностика, анализы. Поэтому прежде всего я решил позвонить Ваню — с ним мы сдружились особенно близко, видимо, из-за небольшой разницы в возрасте — и посоветоваться. Этот шустрый, живой малый найдет выход!

Ваню на том конце провода сначала расстроился, а потом его осенило:

— Тебе к Григорьевичу надо, он тебе практику поставит, будет отсрочка...

Так я и сделал. Съездил в офис и переоформился. Платить мне теперь будут меньше, но это не беда. Зато не в армию! К тому же я уже грезил поездкой, ведь никогда до этого момента не покидал России. А тут — аж Египет! Я и раньше много читал о нем, и в университете изучал египтологию, но это лишь книги. Живую хотелось посмотреть. Да и подмывало меня ехать туда, будто кто-то приказывает — «Поезжай! Ты непременно должен быть там!» Удивительно!

Не буду описывать путь, это долго и неинтересно, скажу лишь, что на место мы прибыли вечером, уставшие, голодные, и встретил нас местный гид, прекрасно говоривший по-русски. Он указал места в машине, сам сел за руль, и мы покатили. Я предполагал, что нас повезут сразу на место раскопок, и очень удивился, когда автомобиль остановился возле отеля.

— Надо выспаться!

— Отдохнуть с дороги...

— И поесть, все-таки инклюзив предполагает шведский стол! — Я поражаюсь способности моих коллег договаривать друг за другом.

Отель был среднего звена, немного обшарпанный, с устаревшим интерьером. Номера также не выделялись из общего фона. Кровать застелена не новым, но чистым бельем, шкаф, тумба, телевизор и стол — вот и все нехитрое убранство. Молодой араб принес ужин, на удивление обильный и вкусный, я поел и лег спать. Несмотря на усталость, мне всю ночь не спалось, преследовало предчувствие — плохое предчувствие, — и наутро чувствовал я себя как разбитая телега. Друзья же выглядели свежими и отдохнувшими.

— Что, не спалось? — увидев меня, засмеялся Ваню.

— А ты хорошо спал, когда впервые по заданию поехал? — заметил Стас и с высоты своего роста потрепал его по темным волосам.

— Ну, это когда было!

— Девочки, не ссорьтесь! — шуточно оборвал их Семен Андреевич. — Поехали!

Мы залезли в желтый микроавтобус, и нас повезли на место работы. Ехали мы довольно долго. Я таращился в окно, пытаюсь отыскать местные достопримечательности, но видел только отели разной степени благоустройства, высотные здания из стекла и бетона да ничем не примечательные дома местных жителей.

— Вот и Нил! — пихнул меня в бок Ваню.

Я увидел главную реку Африки и пожал плечами:

— Ничего особенного, грязно...

— Дальше пойдут трущобы, там вообще смотреть нечего...

Промелькнули однотипные дома горожан, и вот наконец пустыня. Холмы, голубое небо, желтый песок. Приехали! В автобусе работал кондиционер, но было влажно и душно. Сейчас же, на выходе, меня обдало таким горячим воздухом, что я поперхнулся. Сказать, что было жарко, — не сказать ничего. Встретил нас мужик средних лет с седыми бакенбардами и трехдневной щетиной.

Он широко улыбнулся и по-английски сказал:

— Добро пожаловать! Следуйте за мной, я вас провожу.

Я знал английский, поэтому ответил:

— Здравствуйте, куда идти?

— Сейчас все объясню! — и он повел нас к Сфинксу. Еще издали я заметил возле его левой лапы что-то вроде строительных лесов. Англичанин говорил, а я переводил ребятам.

— Месяц назад один неудачливый турист провалился здесь под плиту. Все подумали, что ему конец, и каково же было удивление, когда из-под земли послышался крик в десяти шагах от места, где он исчез. Мужика с горем пополам достали. Вызвали нас, мы тут неподалеку в пирамиде работали, посмотрели, а там монолитный тоннель, узкий, конечно, но длинный, а в конце дверь цельногранитная. Ни ручек, ни выступов, ухватиться не за что. Ковыряли мы ее долго — ни в какую! Зазоров нет, в щель даже лезвие ножа не входит. Тут бы все и закончилось, но кто-то облокотился на нее — и она сдвинулась! Оказалось, вращающаяся конструкция. Мы поднажали, и нам удалось открыть ее. А за дверью огромная камера и еще три двери, но те не открываются, как мы ни старались. Пришлось вызвать специалистов из других стран, но никто так и не понял, как их открыть. Вспомнили про русских — не в обиду, друзья, вы знаете политическую обстановку. Вы парни смекалистые, на вас теперь вся надежда!

Так, за разговорами, мы подошли вплотную к деревянному ограждению. Все вокруг пестрело спекшимися от жары разного размера палатками, мангалами и разбросанными личными вещами работников археологии. Тут и там они сновали, суетливые, разнообразного вида и национальностей, несмотря на жару, готовили завтрак на костре, переключаясь между собой на разных языках. Знойный ветер нещадно дул, поднимая вверх мусор.

— Вот где дружба народов! — сострил Вано. — А мы все Союз вспоминаем!

Англичанин посмотрел вопросительно, я перевел, он хихикнул и, выставив руку вперед, имитируя Ленина, пошел. Мы за ним. Подошли к могучей лапе Сфинкса. Огромная плита возле нее была отвернута и стояла вертикально.

— Тоже вращающаяся конструкция! — пояснил англичанин и посветил фонариком в проем. — Находка там, но это потом, сначала обживитесь...

Растянули палатку, установили мангал и сели возле, ожидая. Дышать было нечем, каждое движение сопровождалось волной липкого пота и одышкой. Мы взмокли. Через короткое время я начал ощущать на коже пощипывание, а пот, сбегая по лбу, затекал в глаза.

— Спрячься в палатку, не то сгоришь! — заметил мое состояние Семен Андреич. — Тебе все равно здесь оставаться...

— Как? — опешил я.

— Ты пока тыл прикрываешь, учись, студент, но не переживай, с тобой будет Вано. Если понадобится, позовем...

Потом старшие товарищи ушли, оставив нас заниматься хозяйством. Точнее, Вано должен был показать мне, что к чему на импровизированной полевой кухне. До вечера мы промучились от духоты. Нас одолевали мухи и потоки пота, о том, чтобы выйти наружу и заняться своими непосредственными обязанностями, и речи быть не могло, разговаривать также не

было желания. Все существование сводилось только к борьбе с жарой. Я то и дело словно в спячку впадал, а когда выныривал — снова раскаленный воздух, снова мухи и пот.

Наконец стало темнеть, солнце, освещаая небосвод багряным заревом, уходило, а вместе с солнцем постепенно это место покидал и зной.

— Интересно, что же там? — задумчиво проговорил Вано.

— Вот дождемся их и узнаем...

Вано вздохнул нетерпеливо:

— Ну сколько можно ждать! Эх, ладно, пойдем учиться прислуживать господам нашим, мать их ети...

Мы выползли. От песка исходит жар, как от нагретой сковороды, но в целом стало легче. Мягкий ветерок колышет палатку, воздух уже свежее, и назойливая мухота разлетелась по своим закуткам на ночевку. Развели костер, поставили котелок и наварили полевой бурды. Вскоре из-под лапы Сфинкса стали появляться люди. Они разбредались по своим стоянкам, где такие же, как мы, уже ждали их с ужином. А наших все не было. Вано тревожился и с надеждой вглядывался вдаль — по всему было видно, как ему хочется расспросить ребят. И вот показались знакомые фигуры. От радости Вано вскочил и побежал навстречу, и я вижу, как, поравнявшись с ними, он без умолку, возбужденно жестикулируя, задает вопросы, а они смеются:

— Сначала по расписанию обед!

Наконец все поели, у каждого чай. Совсем стемнело, мы сидим вокруг костра, и дует уже из пустыни прохладой.

Слышны разговоры:

— ...заперты они изнутри да прикипели уже от времени, срослись со стеной. А может, это не двери вовсе, а подпорки для потолка, ведь такая тяжесть сверху давит! Целый Сфинкс!

— А просверлить? — предположил я.

На меня посмотрели, как на дикого:

— Ты думай, что говоришь! Кто даст его испортить? Он же памятник! Вообще, конечно, там и без того работы непочатый край, надо все задокументировать, взять анализы... так что мы здесь надолго... Вано завтра с нами, рук не хватает, ты остаешься здесь, в тылу — за главного. А теперь спать!

Мы залезли в палатку и улеглись, закутавшись в спальники. На улице стало холодно, как бывает в ночной пустыне, а внутри палатки от нагретого песка — температура оптимальная. Вскоре послышалось мерное сопение товарищей, а мне совсем не спалось, из головы не шли рассказы друзей. «Что же там за дверями?» Рисунки и письма совершенно не интересовали меня, что-то неизведанное и загадочное находилось за ними, и тянуло меня туда как магнитом. Я ворочался, иногда присаживаясь на постели, теребил волосы и вздыхал. Неведомая сила подстегивала непременно идти туда, и совладать с собой не было сил. А потому я встал, надел куртку, взял фонарь и направился к заграждению у Сфинкса.

В щель между досками проглядывала отвернутая плита, освещенная полной луной. Она так и манила подойти ближе. Я осторожно перелез через забор, на цыпочках приблизился к отверстию и посветил фонарем. Мне открылся углубленный проем с каменными ступенями. Я уже было шагнул в пустоту, как вдруг почувствовал прикосновение на своем плече. словно под гипнозом — вижу Вано.

— Туда нельзя! — громким шепотом сказал он. — Узнают, что без старшего заходил, уволят без выходного пособия! И не тебя одного... — Он аккуратно развернул меня в обратную сторону и увлек за собой. Мы пошли, и чем дальше отходим от места раскопок, тем больше спадает с меня оцепенение и проясняются мозги.

— Что со мной? — спросил я Вано.

— Не знаю, — ответил он, округлив глаза, а затем кивнул вверх: — Сейчас полнолуние, может, ты лунатик?

Я тоже взглянул на небо и пожал плечами. Проем по-прежнему влек меня, только теперь мне страшно — ведь это уже навязчивая идея. Мы вернулись, и до утра я забылся тяжелым сном.

Мне снилась Луна, мерцающая в темном небе маленькой звездочкой, которая затем начала приближаться, словно кто-то рывками тянул ее. Я оглядываюсь, вижу темную, узкую фигуру высоченного роста, одиноко стоящую в пустыне. В руках у существа палка с набалдашником в виде светящегося голубоватого шара, из которого по спирали в пространство выходит прямоугольная плоская проекция. На ней наша Солнечная система, незнакомец водит по ней пальцем правой руки и перемещает что-то. Я пригляделся. Палец его гонит Луну от Марса к Земле, и с каждым движением Луны по проекции я вижу, что она в реальности приближается и диск ее уже огромен. Стало светло как днем, и она вот-вот врежется в Землю. Но Луна останавливается, как и палец незнакомца, и он повернулся ко мне, лица под капюшоном не разглядеть, но чудится мне в его взгляде торжество.

Рука его призывает меня следовать за ним, в проем под лапой Сфинкса, но мне страшно, и я отчаянно мотаю головой. Он исчезает, а я слышу грохот несказанной силы — отовсюду идет вода. Бурной пенящейся массой она пробивается из-под земли, из-под песка, наступает со всех сторон. Так быстро и так громко, что я невольно зажимаю уши руками, и вот она поглощает меня, а я стою, оглушенный грохотом и страхом, не в силах пошевелиться, и смотрю на гигантский шар в небе, а вода смыкается надо мной. Проснулся я в холодном поту. Рассвет, едва пробиваясь сквозь плотную ткань палатки, освещает бледные лица друзей. Все спят, а мое дело — сварганить им завтрак.

Хотя этот сон весь день занимал мои мысли, я не стал никому рассказывать его, да и не придавал я тогда значения снам. К тому же за чередой жарких дней, наполненных одинаковыми, скучными делами, ощущения от него стали стираться, проявляясь лишь ночью. О! Ночами я не спал толком, ведь притяжение мое к объекту стало непреодолимо. Я как одержимый тянулся туда, и было мое состояние сродни помешательству. Это была настоящая мука, наваждение, парализующее душу и мозг. Днем же бешеная тяга притуплялась, уступая место раздражению от зноя и мух. Никто не знал о моих мучениях, кроме Вано, да и он не узнал бы, не окажись нечаянным свидетелем, но списывал он все на полнолуние, предлагал подождать его окончания, а я и соглашался.

Соглашаться-то, конечно, соглашался, а сам уже задумал свое. Хотелось мне спуститься туда, и не одно любопытство вызывало это желание, а еще и потребность избавиться от одержимости, понять, в чем ее суть. Почему со мной творится такое? Поэтому в одну из ночей, когда мои уставшие коллеги уснули, а тяга была особенно нестерпимой, я решился. Как и в прошлый раз, накинул куртку, взял большой фонарь и тихо, как только мог, вылез наружу. Огромная полная луна освещала золотом сухие пески, и ничего не нарушало пустынного безмолвия, кроме едва слышного шуршания моих ног, что с невероятной скоростью несли меня к проему. С ловкостью тренированного рысака преодолел я ограждение и, не раздумывая ни секунды, нырнул в темную бездну, словно в тумане спустился вниз по ступеням, и вот — передо мной безликие стены тоннеля, а дальше узкий коридор. Я включаю фонарь и, озираясь по сторонам будто вор, крадусь вперед. Вокруг меня многовековая пыль, потертый временем известняк, и давит на голову замкнутость узкого пространства, и мне страшно находиться здесь одному, но, словно в бреду, я вижу только цель, и цель моя — дойти до конца несмотря ни на что.

Наконец и коридор закончился. Дальше отворенная громоздкая, массивная дверь и поражающая безукоризненной геометрией абсолютно квадратная комната. По стенам ее ровно параллельно друг другу гранитные полотна, вроде как двери, с росписями и иероглифами, но не это занимает меня сейчас. Я подошел к центральной, оглядел ее: оттуда, словно волнами,

исходит навязчивое притяжение. Именно из-за этой двери непреодолимый зов, так и подмывающий заглянуть за нее, оттуда тяга быть там — за ее пределами.

Тихонько простучал ее, погладил полотно, рисунки, стены вокруг, поднажал плечом — безрезультатно. Прошел к двум другим, также нажимая, простучивая и ощупывая все выемки, походил по периметру комнаты, осветил стены, будто в поисках подсказки. Но ничего, только известняковые плиты, по полу разбросан инструмент археологов и провода от генератора. И вроде надо бы вернуться обратно в лагерь, пока еще никто не заметил моего отсутствия, но что-то не пускает меня, велит приглядеться, сравнить и сделать выводы. И я всматриваюсь в рисунки, замечаю, что сделаны они будто в разное время — одни более ранние, чем другие. Я еще более внимательно вглядываюсь — и вот оно!

Глаз Гора, самое древнее изображение здесь, самое главное, от него идут все дальнейшие рисунки богов, людей и их действий. К тому же он ровно в центре и повторяется на всех четырех дверях, причем на отворенной — он с торца. Я жму на них, отковыриваю пальцами, пытаюсь крутить выпуклый зрачок, но где-то в сознании чувствую — все не то. А где-то в глубинах подсознания что-то намекает — «Это ведь глаз, посмотри в него!» И я смотрю.

Тоненько пищит, наружу вырывается светящийся синий луч, из остальных такие же, они пересекаются в центре, образуя небольшой крутящийся белый шар. Неосознанно, в оторопелом удивлении трогаю лучи пальцами, словно играю на струнах света, и ощущения от прикосновений как от света — то есть никаких. Подхожу ближе к шару: от него идет тепло, под ним мой фонарь, свет которого теперь без надобности, и я наклоняюсь выключить его. Лоб мой оказывается на уровне шара, и его как магнитом втягивает в сферическое, будто электрическое, поле. Голову зажало в тиски, я не могу пошевелиться, а от центрального проема слышится скрежет и лязг: дверь сдвинулась и, оставляя облако пыли, подалась вглубь, затем, остановившись на мгновение, стала отъезжать в сторону как по рельсам, увлекая за собой луч. Невидимые тиски отпустили меня, я нервно втягиваю воздух от страха и волнения, и даже подмывает бежать, но любопытство и непрекращающийся зов берут верх. В открывшемся проеме светло как днем, и взору открывается площадка, от основания которой вниз уходят ступени. Я перешагнул порог, и от высоты и великолепия панорамы захватило дух.

Бескрайний древний город, с нетронутой безукоризненной архитектурой, лежит передо мной как на ладони, в безмолвии оставленных домов и покинутых улочек, как будто затерявшийся во времени и пространстве. Ступени уходят глубоко, почти вертикально, и никаких перил, спускаться очень опасно, да разве теперь меня остановишь?

Осторожно ступая, я двинулся вниз. Через несколько ступеней закружилась голова, и пришлось, усевшись на пятую точку, рывками, отталкиваясь руками и ногами и считая каждую, буквально сползать. Строения все ближе, уже можно разглядеть их окна, изгороди и импровизированные нехитрые украшения в виде резных ставней и циновок у дверей. Площадь, в середине которой расстиралось подземное озеро, а справа виднелся храм. И поскольку храм как раз ближе всего ко мне, да и интересуется он меня больше всего, то едва мои ноги коснулись твердой земли, как я, сломя голову, даже не обернувшись, помчался туда. Влекло...

Храм этот — классический образец древнеегипетского зодчества, аскетичный, монументальный и почти готическим видом своим устрашающий немного, но решимости моей уже нет предела. Секунда, и я у его распахнутых настежь дверей и смотрю в хмурые, строгие очи статуи главного бога Египта — Ра. Правая рука его полусогнута, а палец указывает на сооружение, напоминающее алтарь, он будто приказывает мне подойти и взглянуть туда. Я подчинился. Гулким эхом отдаются мои шаги в пустом здании. Несмотря на прошедшие тысячи лет, здесь нет никакой коррозии и налета времени, вокруг циновки с неостывшими еще вмятинами от людских колен, словно прихожане вышли на минуту и вот-вот вернуться.

Алтарь — черный, из камня, с плоской столешницей и выемкой в середине, а в ней, словно врезанные, лежат три предмета. Две золотые пластины с выгравированными на них

фигурками человечков. На левой — один, на правой несколько, а между ними — круглый, металлический диск, не больше монетки, с дырой и плавными, тонкими линиями от центра к краям. Я попытался взять пластины, но они словно приросли к алтарю, и тогда я принялся за диск. Он не поддавался также, но именно в нем видел я причину своего помешательства. Чувствовал...

В бессилии я смотрю на статую. Мне надо возвращаться, привести сюда специалистов, я незаконно здесь... В разочаровании наклоняюсь к алтарю, опираюсь локтями и, сдавив в злости на самого себя голову, смотрю в дыру диска. Что-то щелкает, диск словно вжимается в выемку, а затем выскакивает, больно стукнув в лоб и со звоном, отдающимся эхом в стенах, падает на столешницу. Он свободно балансирует, моя рука уже его поймала, ладонь сжала крепко, и я от греха подальше выбегаю из храма, а спину буравит взгляд бога Ра.

Безмолвные крутые ступени белеют передо мной. «Да это пирамида!» Верхушка ее квадратная — это комната, из которой я пришел, распахнутой дверью, будто единственным глазом циклопа, смотрит, а от нее отросток — тоннель, уходит ввысь и теряется в небесах, и небеса здесь есть, и облака, нет только солнца, хоть и светло. Теперь мне надо подняться, и сделать это затруднительно по той же причине, что было спускаться. Я бегу, ведь страх подгоняет меня, а с середины — притяжение, теперь ползу на карачках. Наконец площадка. Окидываю прощальным взглядом оставленный людьми город, поражаюсь нетронутой его свежести, его уюту и ухожу в чернеющий проем.

По-прежнему светит забытый мной фонарь, повсюду инструмент археологов, но тишина нарушена. Слышатся шаги из тоннеля, и голос Вано:

— Лёха!

Массивная дверь за моей спиной с унылым скрипом едет по рельсам обратно, тяжело громыхая встает параллельно проему и, оставив по краям клубы пыли, захлопывается. Вано с гневно сверкающими глазами, всклоченной ото сна шевелюрой хватая меня за плечи, трясет и кричит:

— Я же говорил, сюда категорически нельзя!

Чувствую себя вором в чужой обители. Диск все еще у меня, и от испуга, от неожиданности, что ли, чтобы скрыть улики, наверное, или еще по какой причине, я вдруг запикиваю его себе в рот. Вано, ожесточенно трясший меня, неожиданно застыл, словно остекленел, взгляд его застыл, а рот открылся в немом крике. Все словно замерло, а время остановилось, закружилось, завертелось, пошло рябью пространство, проносится в вихре комната, а я словно отделиюсь от своего тела, руки, ноги, каждый волосок — отдельно, и вой тысячи голосов разрывает мозг. Затем взрыв. Мне не больно, но каждая молекула, каждая клетка как на ладони висит с секунду и собирается вновь в человека. В меня.

Глава 2

И вот все та же комната, но нет ни Вано, ни инструментов, ни фонаря, а по углам факелы, горящие спокойным голубоватым светом, и вся обстановка будто новей, моложе, четче линии, и на дверях нет никаких рисунков. Я присмотрелся к факелам — нет там живого огня, из бронзового основания торчит толстая овальная трубка, от нее и свет. «Как это возможно?» Чувствую чье-то присутствие.

— Вано? — лопочу еле слышно. — Это ты, друг?

— Это друг, но не тот, кого ты ищешь... — ответили мне из темноты.

Огромная фигура отделилась от стены, и по мере ее приближения ко мне свет становится ярче. Я стою, выпучив глаза, открыв рот от страха, словно парализованный, потому как озарено уже лицо незнакомца, и оно... не человеческое! Так же, как и его рост. На меня смотрит существо с огромными блеклыми, будто подведенными глазами, без бровей, ресниц и волос на вытянутом, продолговатом черепе. Носа и рта почти нет, а тонкая кожа, то ли от света, то ли от виднеющихся вен, отдает синевой. Фигура длинная, тощая, сутулая, возвышается надо мной на полметра. «Не убегай! — сказала существо, не открывая рта. — Я не причиню тебе зла!» И я вдруг понял, что оно говорит со мной телепатически, в моем подсознании — информация приходит в мозг, и все!

От страха я втянул голову в плечи и ищу глазами выход. Вращающаяся дверь открыта, пятаюсь к ней и выскакиваю в коридор, чтобы убежать как можно скорее. Диск все еще за щекой, я бегу и попутно пытаюсь достать его. Ничего не выходит — он сросся со мной, я ковыряю его пальцем, языком, вдавливаю в щеку и грызу зубами, бесполезно, диск не хочет покидать меня. Я бегу в смутной надежде, что, когда закончится тоннель и я покину это место, там, наверху, увижу спящий лагерь, своих друзей, вздумавших разыграть меня, напугать, чтобы мне неповадно было больше соваться сюда без разрешения.

И вот поверхность. Но ни палаток, ни огонька, ни деревянных заграждений, только пустыня, звезды, полная луна, и по всей округе темнота кромешная. Я замешкался. Назад пути нет, там чудовище, впереди неизвестность. И передо мной нет пирамид! Дошло наконец. То, что стояло здесь тысячелетиями, попросту отсутствует! От страха, бега, переживаний и сжимающей сердце тоски перехватывает дыхание, и кружится голова. Позади слышу женский смех. Последняя капля. Теряю сознание.

— Эй, вставай! — слышу я сквозь обморочный туман. — Поднимайся, надо идти!

С трудом разлепляя веки, вижу темные блестящие глаза, с усмешкой смотрящие на меня. Я шарахнулся было в сторону, но быстро понял, что передо мной человек. Точнее, юная женщина, с гладкими черными волосами, черными изогнутыми бровями и улыбкой, открывающей взору белые, хищные зубки.

— Кто вы? Где я? — шепчу я непослушными губами.

— Неважно, пока неважно. Бежать надо отсюда! — Вдалеке, за горизонтом, розоватым сиянием рассвет освещает пески, открывая взору гряду строений незнакомое города.

— Откуда здесь все это? И где пирамиды? Где стоянка ученых? — бормочу я, все еще не веря своим глазам.

Девушка вперила в меня нетерпеливый взгляд:

— Потом объясню, нам надо вернуться под землю, здесь твоя жизнь в опасности... — и тут же схватила мою руку, чтобы с силой, не свойственной хрупкой особе, дернуть и поставить меня на ноги.

— Но там чудовище!

А незнакомка наступает уже на плиту входа.

— Давай, ты первый...

Я замешкался, но лишь на мгновение, прежде чем послушно шагнуть в темноту.
Знакомый уже коридор, сверху слышится скрип засова — вход закрыт.

— Ну, пошли, Лёша!

Идем.

— Откуда вы знаете мое имя? Почему моя жизнь в опасности? Какой сейчас год? И вообще, что здесь происходит? — Вопросы сыплются как из рога изобилия.

Девушка приостановилась, с улыбкой зыркнула на меня, затем подала маленькую ладошку для рукопожатия:

— Азанет! Вот и познакомились!

И пошла вперед, грациозно, как кошка, прекрасная, в хлопковом покрывале, подпоясанная веревкой и босая, но от этого еще более прекрасная. И ощущение, что знаю я ее давно и близко, и говорила она на русском, и вся ее стать, и рукопожатие — на современный манер. «А может, я сплю? Или в бреду?» — Я ущипнул себя, и боль, и диск за щекой, и теплая женская ладонь, влекущая меня по коридору, говорили об обратном. И вот мы на месте, Азанет пропустила меня вперед, и дверь плавно повернулась, закрываясь. У стены снова зашуршало.

— Азанет, иди пока, тебя позовут...

Существо не вышло на свет, видимо, чтобы больше не испугать меня. Девушка тут же скрылась. Из мрака слышится мне будто вздох. «Я ждал тебя... — пронеслось в голове. — Теперь ты в прошлом и должен помочь нам... Не случайно твое появление...»

Я пытаюсь объяснить:

— Я не знаю, как здесь оказался, в общем, я нашел диск... там! — киваю на площадку за центральной дверью. — И... нечаянно он оказался у меня во рту... а теперь — во! — Я поводит языком по внутренней стороне щеки. — Прилип!

Существо кивает, телепатически отвечает мне:

— Я знаю, так и должно быть...

— А вы кто? Марсианин? Пришелец?

— Если тебе будет так удобно — да. Впрочем, далее иначе чем «Пришелец» ты меня называть не будешь. Как и устройство у тебя за щекой не иначе как «диск», а это, — он поднял палку со стеклянным набалдашником и потряс ею, — «скипетр», на том и остановимся.

Я не верю своим глазам: «Это же из моего сна! И существо, и палка с кругляшом!» — Но удивляться теперь буду я часто.

А пришелец продолжает:

— Этот диск, что ты нашел, — устройство, помогающее переместиться во времени. Неконтролируемо и только назад, но это не чудеса... Во всем, что ты увидишь далее, только физика. Необычная, конечно, но все же... Чудо здесь лишь момент времени, в который ты перемещаешься. Ведь только Бог решает, где тебе быть... И ты не можешь охватить своим сознанием этого чуда, понять его замысел, а можешь только тыкаться, как слепой котенок, в поисках подсказки...

Помолчал, задумавшись.

— Диск. Попад на слизистую или в кровь и войдя с человеком в симбиоз, он меняет структуру крови, делая ее отдельным, живым организмом. Тебе остаются лишь душа и мысли. Ты так же живешь — думаешь, чувствуешь, но внутри происходят другие процессы, независимые от твоих желаний. Кровь — как готовый к бою солдат: борется с вирусами, раком, старением и любого рода травмами. Ты почти бессмертен. Тебя нельзя ранить, но убить можно. Отрубив голову или испепелив дотла...

Я в шоке, все услышанное кажется мне бредом сумасшедшего.

— Теперь никак, пока никак, ты привязан к этому времени особой задачей. Впрочем, об этом позже... Хватит с тебя на сегодня информации...

Азанет тихонько подошла ко мне и взяла за руку, а Пришелец вбрасывает мне в голову: «Она будет сопровождать тебя. В этом времени у вас один путь», — и нотки сожаления слышатся мне в его тоне, хотя и не слышу я голоса, а Азанет увлекает меня уже вниз по ступеням.

Вид сверху теперь мало напоминал тот, что я видел накануне: всюду копошатся люди, телеги без лошадей ездят по узеньким улочкам, сигнали зазевавшимся прохожим резким пищанием клаксонов, все шумит, галдит, смеется, люди группами выходят из храма, а вокруг подземного озера — детвора. Город живет своей привычной жизнью. Но впереди снова ненавистные, опасные ступени, и по памяти я снова сажусь на пятую точку, чтобы сползти. Азанет прыснула со смеху, отпустила мою руку и, то убегая вниз, то с легкостью поднимаясь обратно и вися над пропастью на одной ноге, дразнилась и не знала, что при виде ее манипуляций сердце у меня замирает, ухая, уходит в пятки, и я ругаюсь, кричу, умоляю прекратить, но все через смех, через взгляды исподтишка, через тайный интерес понаблюдать за ней. И вот наконец твердая почва.

Снова моя рука в ее руке, и Азанет влечет меня за собой, попутно объясняя, где тут что.

— Храм. Рынок. Библиотека.

«Хм, библиотека?» — думаю я, любуясь чистым лицом девушки, ее гладкой, смуглой кожей, а вслух:

— Куда мы идем?

— Домой!

— А мы что, живем вместе?

Она не ответила, лишь краска разлилась по ее лицу. Дальше шли молча. Проплутали между одинаковых домов, прошли несколько административных зданий.

— Роддом. Больница...

Одно из них привлекло мое внимание. Из его крыши в небо зигзагообразно выходил монолитный тоннель, подобный тому, через который я попал в подземный город.

— Дом терпимости, — пояснила Азанет, ничуть не смутившись. — Но год назад его закрыли, теперь здесь приют для сирот.

Я помотал головой: «Чудеса! В борделе открыть детский дом, да еще и с выходом наверх...» Но в этот день у меня было столько впечатлений и потрясений, что я быстро забыл о нем.

Мы зашагали дальше, прошли бани, очистные сооружения, несколько каналов, пересекающих улицы. Прохожие и водители телег оглядывались на меня, их смущало, как я одет. Внешность же моя оказалась вполне стандартной для этого места — светлоглазых, высоких блондинов здесь пруд пруди. Впрочем, и арабы есть, и еще кто, не знаю, но все статные, как на подбор, породистые, словно специально подогнанные под шаблон.

Смеркалось. Когда я очнулся наверху, было раннее утро, с тех пор прошло от силы два часа, а здесь уже вечер. Солнца нет, а закат был, по горизонту маячили прощальные лучики света. Рыжеватым своим отблеском, душной, темной окантовкой и воздухом, сонным и безмятежным, он словно говорил: «Пора по домам!» Люди возвращаются в жилища, зажигаются окна, торчащие из них матери зазывают детей домой, и город наполняется запахами еды и звуками вечерней суеты.

Наконец Азанет остановилась перед типичной одноэтажной постройкой.

— Наш дом! — сказала она и улыбнулась загадочно. — На двоих! — Затем дернула кокетливо плечиком и походкой молодой рыси прошла внутрь. Я следом. Дом сделан из цельного куска породы, внутреннее убранство не отличается роскошью, три комнаты: прихожая, она же гостиная, спальня, заодно молельня, и кухня, заодно кладовая.

— Здесь спишь ты... — Азанет указала на тюфяк в гостиной. — Но сначала поедим!

Мы прошли в кухню, уселись. Мясо, зелень, хлеб.

— Вина?

Я отказался.

— А я выпью... — Налила себе немного.

— Ты сказала, что меня могут убить. За что?

Она отпила, облизнула соблазнительно губы:

— За твою внешность... Ты новая раса для людей с поверхности... подобен Богу. Отличаешься от них...

— А что они имеют против Богов? Насколько я знаю, египтяне во все времена были очень набожны.

Азанет вздохнула:

— Последний год в Египте неурожай и голод, дикари не хотят возделывать землю, пасти скот и ухаживать за животными. Они привыкли, что за них все делают Боги! — Я удивился, Азанет кивнула. — Да! От них жертвы, от Богов урожай и мясо. Только руку протяни.

— Какие жертвы? — Мне все меньше нравится этот разговор, но она не отвечала, только смотрела на меня блестящими от вина глазами.

Азанет притягивала необъяснимым магнетизмом, все в ней восхищало меня, от кончиков волос до изящных, маленьких, босых ступней, и притяжение было сродни тому, что испытал я перед тем, как попасть сюда. Бредовое и парализующее. Еще ощущение, будто мы встречались ранее. Она уловила мой взгляд, а я ступешался и, чтобы немного прийти в себя, спросил:

— Так при чем же здесь моя раса?

Азанет сверкнула глазами, будто ликуя, и ответила:

— Дикари не видели Богов уже сотню лет, скорее всего, тебя они примут за одного из них. Сейчас они обижены, ведь Богам больше не нужны их жертвы... — Она вздохнула, лицо ее так близко, что чувствуется жаркое дыхание, и повернула голову, что показалось — еще секунда, и она поцелует меня. Но услышал я только тихий шепот:

— Спать!

В опьяненном состоянии, стораю от страсти, я поплелся на тюфяк, где полночи проворочался. Слышалось мне, как Азанет ходила по кухне, по спальне, иногда шаги улавливались так близко, что казалось, вот-вот она зайдет сейчас и упадет в мои объятия. Я маялся, крутился, два раза вставал, но, так ни на что и не решившись, уснул.

Встал я с первыми лучами света, пробившимися из узкого окошка, и на цыпочках прошел через спальню, где на сбившихся простынях еще спала Азанет. Темные волосы ее разметались по подушке, губы приоткрылись, словно зовя к поцелую, и я не сдержался. Влекло. Сел на край постели и быстро, словно боясь спугнуть момент, поцеловал ее, будто клюнул, а затем, осмелев, впился губами, задержавшись, не в силах оторваться и чувствуя дремотный, сладкий запах ее кожи. Она проснулась, пару секунд еще отвечала на мой поцелуй, но потом пришло осознание, оттолкнула резко, с силой:

— Выйди! Выйди немедленно!

Я подчинился, ушел в гостиную и встал у двери, часто дыша. Кровь ударила в голову — и стыдно, и досадно быть отвергнутым. Стук колен об пол. Азанет молится, но до меня доходит лишь одна фраза: «Ведь я жена ему!» «Кому жена? Тому пришельцу?» — Все перемешалось в голове, мысль, что Азанет может уже принадлежать кому-то другому, ревностью, словно острым ножом, входит в сердце.

Спустя некоторое время она вышла как ни в чем не бывало, лишь глаза покраснелись от слез, но бодро, весела и нарочито радостно говорит:

— Пойдем гулять! — Не дожидаясь ответа, схватила за руку и потащила к выходу.

— Да я же не одет! — подхватывая ее настроение.

— На, одевайся! — И протянула через мои бедра кусок материи. — Это все, что тебе здесь нужно...

Время потянулось как сладкая патока. Шли дни, и мы больше не возвращались к поцелуям или проявлениям чувств, в основном гуляли по городу, и Азанет знакомила меня с местными достопримечательностями, устройством города и людьми. Много смеялись, много дурачились, а по вечерам, беседуя томно и сокровенно, узнавали друг друга, и все бы хорошо, но я был уже влюблен. Воображение рисовало другие картины, ведь в пылу молодости мне было мало дружбы. На прогулках ее ладонь в моей руке жгла огнем, а от взглядов, которые она бросала на меня украдкой, на душе пели птицы. Я чувствовал, что она также ко мне неравнодушна, но что-то мешает. Ощущалась во всем ее хрупком существе какая-то недосказанность, продуманность движений и опаска.

— Азанет, откуда ты знаешь русский язык? — спрашивал я.

— Меня учили ему с детства... — отвечала она и переводила разговор на другую тему.

Погода в городе стояла всегда одинаковая, не жаркая, не холодная, и мы, празднично бродяжничая по улицам, всегда заходили в храм, где вставали на колени и молились. Не знаю, о чем молилась Азанет, я же молился о сближении с ней. Все мое естество горело, задыхалось от ее близости, ничего я уже не видел вокруг, только устремленные ввысь глаза, колышущуюся в волнении грудь и нежные губы, беззвучно шепчущие молитву. Не припомню, сколько времени мы так жили, но в какой-то момент то ли луна встала в такую фазу, то ли терпение мое лопнуло, но я решился на разговор.

Как всегда, вечером, сидя на кухне, попивая вино и разговаривая обо всем на свете, я заметил, что Азанет выпила особенно много и от этого особенно хороша, а еще — что горят ее темные глаза внутренним огнем уверенности, что она любима... Краска то и дело приливает к ее щекам, и я смотрю на нее во все глаза, потом хватаю ее руку и прижимаю к губам. Она краснеет еще больше, пытается ее выдернуть, но я держу крепко, боясь снова быть отвергнутым, и от этого страха, отводя глаза, шепчу:

— Азанет, что мешает нам быть вместе? Ты замужем?

Она все же выдернула руку и вскочила, отвернувшись к стене, а фигура ее выдает напряжение. В отчаянии я упал на колени:

— Не мучай меня, прошу, скажи, ведь я люблю тебя!

Азанет повернулась медленно, будто нехотя, посмотрела холодно, а в глазах огонь:

— Встань!

Но я схватил ее за платье, от нерешительности неся околесицу, такую, какая может прийти на ум только в юности, рожденная не растерянным еще романтизмом:

— Азанет, будь моей женой! Если ты замужем, разведись, ведь разводятся же пары... или оставь в покое... иначе зачем мне все это? Зачем все эти прыжки во времени...

Она не дала договорить, вдруг обмякла, выдохнула и упала на колени тоже. Рука ее потянулась к моим волосам, она утопила в них руку, притянула меня и прижалась щекой к моей щеке:

— Как же я скучала, Лёша! Я было забыла, какой ты... Но вот Создатель свел нас вновь!

— Она дрожит, шумно вздыхает и говорит, каждым словом удивляя меня. — Завтра, завтра я пойду к нему... посоветуюсь, а пока, ох, глупая я, глупая, ведь знаю наперед, что ничего хорошего из этого не выйдет! Ты предашь меня рано или поздно...

От страсти и нетерпения я плохо слушаю ее. А зря! Но вдруг она вскочила, подняла меня с колен и проговорила, утирая слезы:

— Иди, оставь меня пока, завтра все решится, а сейчас я хочу побыть одна... — и выпихнула меня из дверей. — Одна!

В отупении, снедаемый злостью на свою слабость и ревностью, я присел на пол, облокотившись на дверь. Там, за ней, Азанет молилась, а в моей голове больше вопросов, чем ответов. «Азанет знала меня раньше?» «Кто ее муж, если такой имеется?» «Если это пришелец, то зачем ей идти к нему? Да еще и за советом?» Мозг мой лопался от мыслей, душа разрыва-

лась на части от любви, а тело ныло, будто от тяжелой работы, и я прополз на тюфяк, чтобы забыться тяжелым сном.

Мне снилась Азанет. Она звонко смеется в тощих руках Пришельца, а он сидит на огромном троне и держит ее, словно младенца. Лицо его сине-голубое, не выражает эмоций, она же обнимает его крепко за шею и покрывает поцелуями его лицо, глаза, нос, губы, вытянутый, высокий лоб. Она смеется и шепчет ему слова любви, а я в гневе. В ревности и оскорбленном самолюбии хочу убить его и вытягиваю уже руки вперед, собираясь задушить, вцепиться в это наглое, страшное лицо. Он смотрит, словно ухмыляясь, а я не могу сдвинуться с места. В бессильной злобе кричу, зову любимую, но ни звука не слышится из моего разинутого рта, и Азанет не слышит меня, а все крепче прижимается к худощавой фигуре, все жарче объятия и поцелуи. Пришелец же сидит как истукан, ни один мускул не дрогнет на его лице, лишь глаза потемнели, словно от боли. Внезапно он встает, держа на руках молодое тело, с тоской смотрит на меня, на Азанет и вкладывает ее в мои руки. Я держу крепко, словно хищник добычу, а она наконец увидела меня, смотрит нежно, с любовью — «Лёша!» — Поворачивается к пришельцу, словно прося прощения, тянет к нему жалобно руки. — «Лёша!»

— Лёша! — кто-то треплет мое плечо.

— Азанет! — Я открыл глаза и с тревогой всмотрелся в ее глаза, словно ища там следы своего сна, но они сияют.

— Лёша, я была у него, все в порядке, мы можем пожениться!

От радости сердце мое защемило, я тут же забыл свой сон, вскочил, схватил ее на руки и, словно пушинку, закружил по комнате, и мы смеемся счастливо, а через несколько дней — свадьба. Церемония прошла тихо и быстро, мы забежали в храм и так же быстро убежали, как только нас скрепили узами брака. Там мы впервые поцеловались и с той минуты не отрывались друг от друга. К моему удивлению, Азанет оказалась девственницей, и, лежа в ее объятиях, я недоумевал: «Была ли она замужем, и что связывает ее с тем существом?» Но молодость и страсть делали свое дело, я быстро забывал свои сомнения, отдаваясь только любви. Мы не ели, почти не спали, жили друг другом, дышали...

Азанет отдавалась мне целиком, без оглядки и утайки, словно боясь спугнуть что-то и желая продлить момент близости, испить его до дна. Я же изучал ее жадно, сантиметр за сантиметром, вдыхал ее, пил с нее, ел с нее, и не было даже секунды, чтобы я не коснулся ее кожи пальцами, руками, губами. Она вздрагивала, и мы растворялись в смятой от бессонных ночей постели снова и снова. А потом она спала — нагая богиня, блестящая от пота, невинная и обольстительная, таинственная и доступная, с рассыпавшимися, спутанными волосами, сладко пахнущая полевыми цветами. А я смотрел на нее с гордостью обладателя — «Моя!» — сам не веря себе, умилялся подрагиванию ее темных ресниц, разбрасывающих тени по векам, обнимал ее, снова будил, не в силах наполниться ею до конца, до дна испить свое счастье.

Проходили дни, недели, и я совсем забыл про Пришельца, про то, что он говорил, да и важно ли это? Не выходя из дома, мы только и делали, что валялись целыми днями в постели, лишь я и Азанет. Забыли мы обо всем, и я, и она. Но в какой-то момент пришлось вспомнить. Я увидел, что не стало в ней прежней легкости, словно ждет она чего-то, и ожидание это давит на нее изнутри, и на меня оно давило смутным предчувствием. Это беспокоило меня, и я стал приставать к ней с расспросами, но Азанет только улыбалась, смотрела на меня влажными, печальными глазами, обнимала, целовала и шептала нежные слова.

А в один из дней я проснулся и понял, что ее нет рядом. Постель еще сохраняет очертания тела, повсюду ее запах, но нет ее самой. Я походил по дому, поискал, мрачно кололо в области груди предчувствием, но вот хлопок двери — она! Смотрит с прищуром, заглядывает в глаза, будто стараясь найти ответы, мучающие ее, затем вздыхает протяжно, будто решаясь.

— Тебя зовут! — Она махнула рукой в сторону пирамиды. — Иди, я подожду тебя здесь... возвращайся! — И глянула так, что на душе стало жутко и пусто.

Глава 3

Я пошел. И, шагая по улице, видел, как изменился город: люди словно попрятались, вокруг тихо, лишь иногда случайный прохожий забежит в дом, озираясь и прикрывая плотно дверь за собой, да брякнет что-нибудь за ставнями. Базара нет, детвора не щебечет у озера, улочки выметены и будто звенят чистотой и безмолвием. Люди к чему-то готовятся, но к чему? Ступени пирамиды, крутые и опасные, и снова мне лезть по ним, но делать нечего, встаю на карачки и знакомым уже способом ползу, как паук. Меня ждут.

Существо не пряталось больше, и, глядя в его мутные глаза, чувствовал я ненависть и страх. Он же смотрел поверх меня через раскрытый проем на город, и вся его фигура напряжена до предела.

— Пришло время строительства пирамиды и исхода. Это то, ради чего ты здесь... — говорит он, снова выстреливая словами в моей голове.

— Не понял... я буду руководить строительством?

— Нет, строить будет вот это! — Он поднял палку, напоминающую скипетр, над головой.

— Ну, и аборигены с поверхности, ведь давно пора им напомнить, что такое труд.

Я возмущен:

— А чего вы хотели? Столько лет кормили людей, конечно, они расслабились... а что за жертвы, кстати?

— Человеческие...

Я чуть не задохнулся.

— Человеческие? Люди ради вас убивали себе подобных?

Пришелец оторвал взгляд от города и уставился на меня с недоброй усмешкой в блеклых глазах. Стало не по себе.

— С чего ты взял, что кто-то кого-то убивал? Они отдавали право первой ночи со своими невестами, а также ребенка — первенца. Взамен получали беззаботную жизнь. Их все устраивало, и даже больше чем устраивало, они были счастливы, считая такую цену ничтожной, и очень огорчились, когда узнали, что их жертвы больше не нужны...

Он помолчал и снова уставился на город, а из дальнейшего его рассказа я понял, что...

На самом деле женщин с поверхности никто не брал силой, их же новоиспеченные мужья укладывали их, обкуренных наркотиком, на алтарь, что спускался вниз с помощью механизма и привозил в здание, которое Азанет назвала домом терпимости. Там, безо всякого насилия, им вводилось мужское семя и происходило зачатие, затем благополучно они возвращались обратно, вынашивали, и наступал черед путешествия младенца. Его также клали на алтарь, он спускался, но, в отличие от матери, не возвращался, а оставался в подземном городе. Здесь он жил в том же здании, только в другом крыле, рос, а затем его отселяли в свой дом.

— Азанет тоже? — не удержавшись, спросил я.

— Нет, Азанет другое...

— Но зачем вам это нужно? Первая ночь, первенец...

— Не знаю, поймешь ли ты? Впрочем, все равно расскажу, даже если не поймешь... пока... Началось все задолго до этого дня, много тысяч лет назад. На земле еще не было привычных тебе хомо сапиенс, а лишь прототип человека. Вы называете их неандертальцами, я же именую такое существо — Адам. Адам — грубый, неразвивающийся вид, не имеющий речи, не человек, почти животное, к тому же агрессивный... Ему нужна была Ева. И после тщательного отбора нескольких сот особей и сокрытия их в африканской пустыне с помощью мутогенов родилась Ева. Остальных пришлось убить, введя вирус, ведь, будто поняв, что Ева появилась ему на замену, Адам всячески пытался ее уничтожить и сделал бы это в конце концов —

наделенная большим умом, Ева слабее физически. Так вот, после вымирания Адама остается новый, более совершенный вид человека. Теперь уже разумного.

Они не хотели жить в пещерах и научились строить дома. Не сразу, но пришло осознание уюта и тепла. Заниматься охотой и собирательством долго и не всегда удачно, потому освоили скотоводство и земледелие. Стали жить групповыми поселениями, вот-вот последует полное развитие. Но вдруг все остановилось — дальше прогресса нет! Даже колесо не изобрели! Проанализировал их состояние и понял: эти люди ограничены в эмоциях, замкнуты в рамках традиций и устоев, малодушны и руководствуются больше инстинктами. Совсем простыми: голод — поест, жажда — попить, холод — согреться. А также инстинкт самосохранения и размножения. И вроде у них есть музыка, танцы, но примитивно, и только в ритуалах. Прожитый день ради прожитого дня, прожитая жизнь ради прожитой жизни. А вместо веры в Бога Единого понаделали себе идолов, каждый из которых покрывал какую-то их слабость. С этого начался их путь назад.

Работать им расхотелось, ведь божок плодородия, если его хорошо задобрить, и так даст урожай, а божок охоты, если помолиться как следует, поможет поймать дичь. К тому же истукана всегда можно наделить любыми человеческими особенностями характера, нет еды — серчает, есть — доволен... Не надо думать, не надо анализа... Постепенно окультуренные поля заросли сорняком, да и скотина повывелась — наступил голод. Никакие молитвы идолам не помогали им добыть себе пропитание. В ход пошли человеческие жертвоприношения и еще каннибализм. Пришлось устроить потоп. Снова отобрано несколько сот особей, и укрыты они в ковчеге...

Я вспомнил свой сон и в нем загадочную фигуру, перегоняющую Луну к Земле. «Да какое он имеет право решать, кому жить, кому умереть?» — Меня затрясло от негодования. — «Он вообще с другой планеты, а ведет себя словно хозяин!»

Пришелец посмотрел на меня грустно:

— Эти люди изначально были обречены. Им попросту не хватило бы творческого развития, смекалки что ли, чтобы выжить. И вот надо все начинать сначала, воспитывать как малых детей, шаг за шагом идти наверх, к светлому будущему...

Я хмыкнул, а про себя подумал: «Где-то я уже это слышал, но ничем хорошим это не закончилось!»

Пришелец, очевидно, читал мои мысли, потому что ответил:

— Ты прав. И здесь ничего не получилось. Они созданы заново, для них построены города, люди — человечество — в очередной раз пошло не по тому пути... В силу лености и предрассудков эти люди размножились, но... человек опять в ступоре, снова идолы, снова лень и отсутствие прогресса... снова, как по спирали, назад. Так можно бесконечно, но нашелся выход — новый мутоген. Он дает людям новые возможности — мыслить творчески, ценить красоту, развиваться духовно, созидать...

В пылу юношеского максимализма от всего услышанного мне хочется задушить его, но лишь спрашиваю:

— Но что будет с теми, что без нового гена — они будут истреблены? Как и предыдущие?

— К сожалению, да, этот подвид слишком жесток, глуп и ограничен, а потому опасен для нового человека. Ведь каждый последующий тип гораздо слабее и неприспособленней предыдущего, хотя и умнее.

— Но ведь можно как-то решить этот вопрос! Вывести людей тайно, ночью, поселить их где-то, где они будут в безопасности. Земля большая!

— Нет, новая Ева имеет один побочный эффект: люди, рожденные с этим геном, в основном светлоглазы и светловолосы — как ты. Выводить их, не избавившись от старого образца, слишком опасно... Старый подвид чует их за версту! Это уже пройденный этап...

— И что?

— Теперь поля твоей родины устланы холмами-могильниками. Выжить новому виду удалось только после полного уничтожения первородного населения.

Я злюсь:

— А вам никогда не приходило в голову, что все проделанное слишком жестоко? Возможно, не стоит вмешиваться в процесс эволюции и дать людям возможность развиваться самим? Наверное, это заняло бы больше времени, но зато обошлось бы без жертв!

Он злится не меньше меня:

— Эволюция — чушь! Все в мире циклично и рано или поздно возвращается к первоисточкам. Это! — он указал длинным пальцем вверх, — тупиковая ветвь развития, убивающая сама себя, рано или поздно они вымрут и без вмешательства! И только убив их, можно дать шанс выжить новым людям, хомо сапиенс моралис, таким, как ты. Как Азанет...

Волной гнева захлестнуло меня, не было уже сил сдерживаться, особенно при упоминании имени жены.

— А вы у нас спросили? Нужна ли нам эта жизнь такой ценой?

Существо не стало слушать, посмотрело с жестким блеском в глазах:

— Не ты решаешь, и не я... Творец! Поэтому я начинаю строительство пирамиды, точно, математически выверенной конструкции для максимальной эффективности, там, наверху. На ее пике будет установлена верхушка с взрывателем, но взрыватель этот не такой, как ты привык понимать. Разрушений и погромов не несет он, а, действуя на ДНК, сжигает лишь человека... Не волнуйся, боль там секундная, их мгновенно сотрет в порошок, они мало чего почувствуют. Таким образом мы сотрем с лица Земли население Африки и Азии...

Я стою заторможенный, мне кажется, что все это не со мной происходит, и хочется ущипнуть себя. Словно издалека доносятся слова Пришельца:

— Твоя задача вывести народ из-под земли тогда, когда пылевое облако рассеется...

— А вы? Где будете вы?

Пришелец смотрит устало:

— Буду в эпицентре взрыва. Без меня ничего не получится, я детонатор...

Я брел домой в равнодушном отупении и с мрачными мыслями в звенящей пустотой голове. За плотно закрытыми ставнями новая Ева, новый генноинженерный эксперимент затаился в ожидании. Люди знают уже, что грядут перемены, грядет исход, и это страшит их. «Как я буду выводить их, ведь я даже не знаю языка, на котором они говорят? Сколько времени потребуется для постройки пирамиды, этой скрытой угрозы?» и «Почему существо с другой планеты так озабочено выживанием человечества? Даже ценой собственной жизни? Надо лучше спросить Азанет!»

Она ждала. С волнением, с покрасневшими от слез глазами бросилась ко мне в объятия.

— Прошу тебя, Лёша, не меняй ничего!

Я отодвинул ее в сторону, посмотрел ей в лицо, будто в поисках ответов.

— Кто он тебе, жена моя, и кто ты сама? Какую роль играешь здесь ты?

— Я такая же!... — высунула язык, на корне которого — диск, в точности как у меня.

— Мне было пять, когда я чуть не проглотила его, и тогда впервые я попала сюда.

— Хм, значит, ты здесь не первый раз?

Она кивнула.

— Но больше ничего не могу сказать тебе... я поклялась...

Я приобнял ее, погладил по волосам.

— Ты не ответила мне на главный вопрос: кем для тебя является тот марсианин?

Она почему-то хмыкнула:

— Марсианин? Ну, пусть будет марсианин... Он дорог мне не меньше, чем ты, и доверяю я ему не меньше. И ты доверься... ради меня хотя бы...

Я поцеловал ее в щечку, и мы еще долго сидели, обнявшись, и я клялся ей в вечной любви, но думал о своем и вскорости озвучил свои мысли, все по той же причине молодости и пылкости порывов:

— Ведь можно же предотвратить это массовое убийство!

Азанет вобрала судорожно воздух и вскочила.

— Ты так ничего и не понял! Знаю, тебя не переубедишь... не в первый раз... потому будь что будет!

Ночью я не спал. Лежа в тишине и прислушиваясь к дыханию жены, обдумывал свои действия. Ни разу не видел людей с поверхности, не зная их, я уже жалел их, и в душе кипело возмущение. «Какие-то марсиане (я был убежден, что существо с пирамиды — с Марса, видимо, из-за сна, где он гнал Луну к Земле именно оттуда) убивают людей на Земле, на чужой им планете! На Марсе, наверное, всех уже прикончили, вот и лезут сюда! Захватчики! Колонизаторы! Называют людей так, не стесняясь — «подвид, тупиковая ветвь, подопытные!» Развели здесь ферму по выращиванию генофонда Земли! На Марсе надо было выращивать! Прикрывается Богом. Но Бог милосерден и никогда не допустил бы такого... убить население целого континента!» Сердце колотилось от возмущения и ухало при этих мыслях в ревнивом, горячем порыве убить того, кто занимал их.

Под утро я все же уснул, но поверхностно, полубредово, и приснились мне пирамиды, и хожу я вокруг них, а вокруг ни души, ни людей, ни огонька на горизонте, лишь ветер и нетронутые пески. Здесь давно не ступала нога человека. Я кричу что есть мочи, зову кого-то, но только завывание ветра в ответ. Я один. Вдали черная точка, приближается, превращаясь в легкую фигурку Азанет, я радуюсь, машу руками, бегу навстречу. Она не видит меня. Она слепа и глуха к моему зову. Она поет. Красиво, мелодично, выводит грустную песню. Кто-то с силой хватает меня за плечо и поворачивает. Азанет! Она же, только будто старше, лицо ее темно и зло. Кричит: «Ведь я же просила не менять ничего!» Я проснулся. Моя любимая, юная Азанет сидит рядом и поет. Голосок ее дрожит от слез, но она старается, и выходит очень трогательно.

— Ты плачешь? Перестань! — Я обнимаю ее, целую заплаканные глаза. — Скажи, что мне сделать? Ради твоей улыбки я готов на все!

Она помотала головой:

— Ничего не надо, просто люби, люби меня вечно...

Я снова клянусь ей в вечной любви, а в окно проглядывает новый день, и новые задачи ждут меня.

Прежде всего я намеревался посетить библиотеку, а Азанет, естественно, вызвалась проводить. Но, придя, я удивился, как мало здесь литературы, способной ознакомить меня с местными обычаями и культурой людей, которых, по убеждению Пришельца, я должен был выводить наружу. На кусках папируса и глиняных табличках нанесены письмена на незнакомом мне языке. Хотя в университете я и изучал типы написаний на языках древних цивилизаций, но этот видел впервые. Пришлось спросить Азанет:

— Кто это писал? — Она махнула в сторону пирамиды. — Он! Тогда понятно, на марсианском написано!

Стали доставать по очереди свитки.

— Это Библия — Ветхий Завет, псалмы, а вот и словарь!

Я посмотрел вопросительно, а Азанет возмущилась:

— Чего ты ждал? Их история только начинается, нет еще ни великих романов, ни од, и поэм нет. А вот это, — она махнула в сторону груды исписанного папируса, — все, что им нужно знать. — Протянула одну из табличек. — На, грызи гранит науки!

Мне стало смешно, я поцеловал ее белую ручку и принялся за обучение.

Каждый день в тиши библиотеки Азанет помогала мне во всем, подсказывала, тестировала, и скоро я выучил язык, к тому же, учитывая мои способности, для меня это не составило никакого труда. Я проштудировал то немногое, что было здесь, вдоль и поперек, но народ подземного города по-прежнему оставался для меня загадкой. Чужаком я чувствовал себя здесь и не понимал уже, зачем выбрали для такой ответственной миссии — вывести целый испуганный народ на поверхность — именно меня. Не было тогда для меня ответа на этот вопрос.

В один из дней, когда впечатление от разговора с Пришельцем уже почти стерлось и о миссии своей я уже и думать забыл и больше занимался Азанет, чем учебой, меня вызвали. Пришелец выглядел еще более уставшим, чем в день нашей последней встречи, но во взгляде ликование, а в руках устройство, похожее на скипетр.

«Пирамида почти достроена», — пронесся его голос в моей голове. Я удивлен. — «Пошли, покажу, как она строилась, знаю, тебе любопытно...»

Идем. «Интересно, сколько ему лет?» — думаю я.

— Я уже сбился со счета, — отвечает он, напоминая, что способен читать мысли.

«Надо аккуратней думать».

— Да, ты прав!

Мы выбрались на поверхность. Зимняя, пустынная ночь ледяными ветрами и небом, усыпанным звездами, встречает нас. В положенном месте белеет недострой. Там, внизу, я никогда не задумывался над тем, как истосковался по привычным вещам, что дарованы нам, живущим на земле. Природа, погода, какой бы она ни была, запахи, звуки — все для нас. «Интересно, там, на его планете, какое все?» — опять непроизвольно думаю я.

— Что «все»?

— Ну, пейзажи хотя бы.

— Сейчас на моей родине пустыня, почти как здесь, но когда-то все там изобиловало водоемами, растительностью, и полно было всякой живности... а еще зимой выпадал снег, а летом все расцветало и пели птицы...

— Что же случилось? — спрашиваю я удивленно.

— Катастрофа, но ты все узнаешь потом...

Я тут же делаю выводы.

— Значит, вы создаете теперь на Земле подобие своей планеты?

— Всего лишь направляю человечество в нужное русло, создал все это не я...

Но меня уже не остановить.

— Да вы варвар! Грубо вторгаться в чужую экосистему, разрушать, уничтожать!.. Динозавров тоже вы истребили? — Во взгляде Пришельца усмешка. — Кстати, а почему вы в одиночестве? Где ваши собратья по разуму?

— Нет никого, я один. Не считая тебя, конечно... — Он подумал немного. — Этих людей отличает от таких, как ты, гиперразвитое шестое чувство: они опасны. Потому-то мне и нужна твоя помощь.

Перед глазами встало заплаканное лицо Азанет, и я, с ненавистью глянув на Пришельца, цежу сквозь зубы:

— Ладно, показывайте, что тут у вас...

Пришелец поднял скипетр, ударил им по земле, и беззвучно из него высветилась проекция. «Прямо как в моем сне!» Поводил длинным синим пальцем и жестом подозвал меня ближе.

— Это наша солнечная система. Любая угроза планете извне может быть предотвращена одним прикосновением... — нажал на круглое пятно изображенной Земли.

— Ближе! — теперь на всю проекцию Земля.

— Ближе! — Африка, Египет.

— Ближе! — Открылась панорама местности, недостроенная пирамида и очертания наших фигур. Все действие проекции сродни спутниковой навигации, но сам спутник вроде очень далеко — в другой галактике.

Пришелец выбрал одну из глыб известняка, в изобилии валявшихся всюду и оставшихся здесь, видимо, после расчистки пространства при строительстве подземного города, и ткнул в него на экране. Очертил по камню границы желаемой формы, и совсем рядом с нами я увидел, как от камня синий неоновый луч откалывает куски, превращая бесформенную глыбу в аккуратную, с четкими гранями плиту. Плавным движением руки Пришелец поднимает ее по проекции вверх, что-то ухает, и, забирая песок, плита отрывается от земли и взлетает на пирамиду.

— Здесь главное палец не отпустить, а то зашибешь кого...

Было странно слышать такое от того, кто собирается истребить население целого континента.

— Работа же местного населения заключается лишь в том, чтобы смазать скрепляющим раствором плиты.

Мне вдруг стало страшно.

— Почему, если они такие опасные, вас до сих пор не убили?

Снова он рисует что-то по проекции. Присмотревшись, я вижу вокруг него полупрозрачное световое поле, трогаю его и тут же получаю неслабый разряд тока.

— Они уже пытались... много раз... их останавливает это. Но в тот день, когда все решится, я буду гол перед ними. Моя жизнь и вся наша задача будут в твоих руках, а в них будет скипетр. Он слишком важен для человечества, чтобы взять его с собой, ведь от взрыва он будет уничтожен. Если у нас все получится, если выйдет наконец, — он твой, и будет помогать тебе в построении нового мира, если нет, тогда спрячь его подальше от людей и жди момента, когда будешь готов стать его владельцем.

А когда мы вернулись, Пришелец посмотрел пристально мне в глаза и выстрелил в мой мозг прощальной фразой: «Пора объявить тебя царем!»

Глава 4

Вернулся я домой уставший и злой, Азанет покормила меня и, пытаясь унять мое негодование, села ко мне на колени, обнимала и целовала. Я же замыкался и только глядел с досадой в сторону окна. Наутро, едва проснувшись, Азанет побежала по домам, зазывая горожан на площадь у пирамиды. Я же был там, рядом с Пришельцем, что в набедренной повязке, в колпаке, прикрывающем его вытянутую голову и высокий лоб, с большими, тусклыми, будто подведенными глазами, очень смахивал на древнеегипетское божество, такое, каким мы знаем его по иллюстрациям в книгах. И вид его, жутковатый, величественный, заставлял задуматься — «А только ли фантазия египтян навевала изображать своих божеств именно такими?»

Началась церемония. Толпа внизу свистит и всячески изображает радость. Пришелец одевает мне на голову корону, золотую, с крупным камнем во лбу, откуда-то звучит музыка, и начинает говорить. Я слышу его голос, но словно в тумане, словно во сне, доносится он до меня, словно из телефонной трубки.

— Жители Ковчега! Отныне и вовеки не я — он ваш царь! Он будет заботиться о вас и выведет наверх, где вы заселите новые земли! Любите его как меня, ведь теперь он — мой наместник!

После каждого его возгласа из толпы шум и ропот недовольства. Пришелец подпихнул меня выйти вперед:

— Послушайте его!

Я гляжу оторопело, голова туго соображает, да и речи я не готовил. Но вдруг тепло разлилось по телу, пьянящей негой от кончиков пальцев до кончиков волос побежали мурашки. Все вокруг стало неважно, ни приговоренные к смерти люди с поверхности, ни пирамида с взрывчаткой, да и Пришелец не кажется мне уже таким отвратительным. Я почти люблю его. И ничего я не вижу уже, кроме тысяч глаз людей, что ждут от меня нужных слов. «Как я мог сомневаться? Ведь самое главное — это помочь им выйти отсюда, целыми и невредимыми! Сохранить их вид, ради сохранения планеты!» — Б-р-р... — Я помотал головой, чувствуя, что это не мои мысли, а мысли Пришельца, но сопротивляться его влиянию некогда — толпа ждет. Открываю рот, и почти помимо воли, изо рта вытекает, как сладкая патока, речь, и будто не со мной все.

— Друзья! Народ Ковчега! Ваша задача сейчас готовиться к выходу на поверхность! Меня сделали царем не для того, чтобы я, пользуясь властью, неволил бы вас! Для вас я сосредоточие справедливого суда, милосердной помощи и маячок для беспроblemного выхода наверх. Каждый из вас сомневается сейчас, нужен ли вообще этот исход, ведь здесь вы в безопасности, но если вы доверяете Богу, то вы должны довериться и мне, а я говорю, что это единственный путь для вас! И покажу вам дорогу!

Гробовое молчание.

Но через несколько секунд Азанет в мою поддержку звонко захлопала, звук разнесся в тишине, народ очухался, люди заговорили, обращаясь друг к другу, покивали и зааплодировали. Я доволен и от гордости даже поднимаю руку, машу, но, увидев насмешливые глаза жены, чувствую себя глупо и не на своем месте. «Царь! Тьфу ты!»

Дальше как по сценарию, надо работать царем, чего я никогда не делал и не умел делать, да и не хотел я тогда никакой ответственности. Но оказалось все не так и страшно, ведь вся моя работа заключалась лишь в сидении на троне, что находился на пирамиде — весь день, и выслушивании проблем приходявших по очереди на аудиенцию людей. Да и они приходили чаще, чтобы поглазеть на нового царя, чем пожаловаться на кого-то или что-то, и в основном все их разговоры сводились к одному — к исходу. Я же, как мог, уговаривал каждого, успока-

ивал и описывал все прелести жизни на поверхности красочно и в наилучших деталях, а сам чувствовал лишь боль в позвоночнике от долгого сидения на жестком и пустую скуку. Возвращался я в новые, выделенные для нас специально, роскошные покои, совсем рядом с пирамидой — рано, а шел на трон в обед, и потому новая должность совсем не была мне в тягость.

Оцепенение и эйфория не проходили, да я и не пытался бороться с этим, так было легче — не думать своей головой, и даже Азанет стала для меня чем-то естественным и обыденным. Былое восхищение и обожествление прошло, уступив место только чувству долга перед ней. Какие там люди умрут наверху? Едва ли я задумывался над этим, четко я ощущал лишь свое теперешнее предназначение и терпеливо ждал, когда, наконец, все случится и меня привлекут к непосредственной моей обязанности, то бишь к выводу людей на поверхность.

А по ночам меня терзают сновидения. Все больше из детства, которое так мало отложилось в моей памяти. Вот я мальчик, голодный и избитый, бегу по безлюдной, темной дороге в никуда, минута, и я уже не мальчик, а его тень, следую неотступно за ним, мне жаль его, но помочь ему нечем. Нельзя вмешиваться. У него свой путь. Потом мне снилась мать, — «Отца больше нет!» — «Я знаю, мама, я узнал это раньше тебя!» — злюсь на самого себя, на свою беспомощность поменять что-то, просыпаюсь в поту и судорожно сжав руки. Азанет обнимает меня, шепчет ласковые слова, но я уже не я. Пришелец завладел моим сознанием и диктует мне правила, теперь он мой хозяин.

Утро, за окном, едва пробиваясь, брезжит искусственный рассвет. Я встаю словно робот, в короне — она не снимается, я даже сплю в ней, не мешает, и ладно. Азанет встает также, подходит сзади и охватывает мой торс руками и целует в затылок. Непонятно, сон это или явь, и я вроде улыбаюсь ей, но неискренне, натянуто. Она поворачивает мое лицо, заглядывает в глаза со странным блеском сожаления в потемневшем взоре, вздыхает:

— Муж мой, каким недолгим было наше счастье...

Я бодро, но механически отвечаю:

— Милая, я счастлив! А ты разве нет?

Она теряет, что ответить.

— Да, да...

И мы идем наверх, на пирамиду, чтобы сидеть на троне и выслушивать опасения людей, которые сейчас для меня — центр вселенной.

Наконец ночь, и Азанет шепчет:

— Час пробил! Тебя зовут для последнего напутствия!

— Иду! — Мне уже не терпится, все существо мое уже изныло в ожидании.

Давно перестав бояться высоты, взлетаю вверх по опасным ступеням. Пришелец уже в проеме вращающейся двери, кивком зовет проследовать за ним. Выбираемся на поверхность, здесь, мерцая молочно-белой облицовкой и поражая безукоризненностью математически выверенных углов, возвышается готовая пирамида. Сверху тяжелой ношей, ослепляя отражающимся солнцем — треугольная, золотая верхушка. Пришелец посылает в мой мозг:

— Эта верхушка и есть бомба, завтра я помешу в нее вот это... — В узкой, синей ладони пластина с выгравированными на ней несколькими человечками, я видел ее уже, она была на алтаре рядом с диском, когда я спустился в подземный город в первый раз, еще в моем времени.

— На несколько тысяч километров разлетится магнитное поле, сигнал синтезируется с ДНК человека и превратит людей в пыль. Из праха произойдя, в прах и обратятся!

Я слушаю в оцепелой покорности, и ничего не смущает меня, ничего не екает.

— Истреблен будет только вид, не само человечество.

Я спрашиваю:

— Что же требуется от меня?

— Твоя задача проследить мой путь, до конца прикрывая электрическим колпаком. Как только я дойду до верха пирамиды, ты бежишь обратно и плотно закрываешь за собой дверь. В

ней заложен твой мозговой импульс, как ты, наверное, уже догадался. Затем действовать тебе придется самостоятельно, ты — царь, на тебе ответственность за народ. На третьи сутки после моего ухода выводи их, обживайте города, пользуйтесь землями, — все ваше!

Я радуюсь — «Наконец-то!»: то, что навязчивой идеей в последнее время преследует меня, состоится!

Возвращаюсь я в приподнятом настроении, оглядываю хозяйским взглядом дома людей, представляю, как буду править, и думаю я масштабно и социально, типа «Каждой женщине по мужу!» и «Крестьянину по наделу!», «Нам с Азанет можно также развести хозяйство и жить своим трудом, ничуть не отличаясь от остального населения. Я буду первым царем, который будет жить как все! Можно завести детей... Интересно, почему Азанет не зачала еще?»

С этими мыслями я присел на каменную изгородь вокруг озера, обмыл лицо, мельком взглянув на свое отражение. Взглянул и отпрянул. На меня смотрел незнакомый человек, с впалыми щеками и блуждающим, полоумным взглядом выпученных, будто в гипнозе, глаз. Кожа бледна и отливает, как мне кажется, голубизной. И вроде это я, но как если бы умер и встал из могилы. «Да я становлюсь похожим на пришельца!» — подумал я и остановился взглядом на короне. В ужасе от своего открытия я с силой потянул за нее, с целью снять со своей головы. Корона словно приклеилась. Вцепляюсь пальцами в основание и тяну что есть мочи. Наконец она поддалась и съехала набок, и вот еще чуть-чуть и она у меня в руках. Верчу в руках и разглядываю — так, ничего особенного, золотой ободок с камнем в центре, но чувствую уже себя свободным, словно пелена с глаз упала, словно тяжкое, непосильное бремя упало с плеч. «Значит, все же дело в ней!» В состоянии шока бегу в покои.

— Азанет! — Она идет, такая прекрасная и такая растерянная. — Пришелец через корону управлял мной! Любимая, это он плохо влиял на меня! Любимая?

Она вдруг задрожала и словно в припадке забилась.

— Ты снял ее! Что же это? Каждый раз в последний момент ты снимаешь ее!

Догадкой осеняет меня.

— Так ты все знала? Знала, что пришелец залез в мою голову, и молчала? — в ярости я тычу пальцем в корону. — Говори, что здесь не так? Что он сунул туда?

Из глаз Азанет бурным потоком слезы, она моргает часто и даже не пытается вытереть лицо, но я непреклонен:

— Говори!

Молча, отковырнула камень, тонким пальчиком указала на пластину, почти такую же, как я видел недавно, но человечек на ней один. Через спазм в горле от рыданий объясняет:

— Он не залезал в твою голову, просто настроил твои мысли на нужную волну!

А мне уже жаль ее, да и отпустившее меня рабское оцепенение открывает глаза. Я уже люблюсь ею, ее тонкими заломленными запястьями, ее хрупкой шейкой и розовыми губами, вдыхаю ее запах, как самое дорогое, что может быть в мире, и кажется мне, что пахнет от нее моей родиной, полем и цветами на нем. И перед глазами наша первая встреча, и прихожу к выводу, что влюбился я в нее с первого взгляда. «Из-за короны и навязанных мне пришельцем мыслей я упустил столько времени! Почти перестал замечать ее!» — думаю я и иду уже, чтобы заключить ее в объятия, чтобы почувствовать волнение ее тела в ответ.

— Милая, прости, прости меня, душа моя! — шепчу ей в ушко, и огонь, и жар, и холод, и страсть, и буря. Этой ночью я любил ее как никогда, словно пытаюсь наверстать упущенное, а она меня — словно в последний раз...

Утро. Пора! Смотрю на спящую Азанет, вдыхаю напоследок ее аромат и иду на пирамиду, без короны. «Пусть видит, не так-то и просто меня задурить!» Иду, чтобы отказаться от царства, от трона, от ответственности за народ подземного города, от соучастия в убийстве народа с поверхности. Иду сказать, что хочу только жить спокойно, любить жену, иметь детей и ничем не отличаться от обычного человека. Молюсь по дороге: «Как там говорил пришелец?

У людей с поверхности гиперразвитое шестое чувство? Господи, направь их, направь подальше отсюда! Ведь если ты позволил им появиться на свет, значит это нужно! Они Божьи твари, Божьи создания, неужели же заслужили они гибели?» Поднимаю глаза вверх, дабы произнести «Аминь!» — как всегда, по привычке, — и вижу пришельца, что смотрит на меня с пирамиды, мрачно, с усталой обреченностью. «Он все видел! Видел мои терзания и читал мои мысли! Тем лучше! Меньше объясняться придется», — и быстро забрался наверх. Пришелец молчит, только всматривается — цепко и с вызовом. Наконец молчание прервано. Мной прервано.

— Как вы это делаете, как читаете мысли?

Он, будто нехотя, отвечает:

— Твое тело сейчас уже не твое, я уже говорил тебе об этом. Твоя кровь теперь подчиняется другим законам. Законам твоего выживания, и в ее интересах сотрудничать со мной. Импульсы из твоего мозга попадают в мой, и наоборот... Пока диск у тебя во рту, ты для меня раскрытая книга.

— Что значит «пока»? Его все же можно вытащить? — удивляюсь я.

— Здесь нет... только в своем времени... Но вместе с ним ты потеряешь и свойства своей крови к исцелению, к вечной молодости и бессмертию...

Я дрожу от нетерпения.

— Да я и не против! Отправьте нас с Азанет обратно!

— Не я вас сюда посылал, не мне вас и отправлять! К тому же Азанет не из твоего времени вовсе...

«Хм, об этом я не подумал!»

— Делай, как я говорю, и вы будете вместе, в этом времени, жить бесконечно долгую, счастливую жизнь... делать одно дело... вдвоем...

— Почему вдвоем? А дети? У нас будут дети? — Пришелец посмотрел на меня так горько, что мне стало жаль его.

— Общих детей у вас быть не может: давая вечную жизнь и здоровье, Бог забирает возможность иметь потомство. Такова цена... такова жертва...

Я стою словно приклеенный, словно парализовало меня, а он передает мне скипетр, и пульсом в голове — «Пошли!» Иду, но словно сам не свой.

Глава 5

Выбираемся на поверхность, и если внизу было раннее утро, то здесь вечерело уже, и красно-кровавый закат освещает свежевystроенную пирамиду, и отражающиеся в облицовке пески создают впечатление, будто золотая она вся, не только верхушка. Дует резкий ветер, здесь весна, но все же прохладно, и я снова вдыхаю этот воздух, набираю полные легкие и думаю о том, как прекрасна наша планета. «Ну почему все так непросто? Почему нельзя просто жить, наслаждаясь каждым моментом? Нам всегда чего-то не хватает, то нам холодно, то жарко, то чего-то мало, то чего-то плохо... И так по кругу. А ведь иногда надо остановиться, подумать, посмотреть со стороны, как прекрасно все устроено все вокруг. Вся эта Земля, поля, луга, небо, воздух — все для нас!»

«Чушь! — Пазл в моей голове сложился. — Все расовые предрассудки! Этот Пришелец просто фашист!» Я припомнил отца, пьяного, избивающего меня, мать, не защитившую своего дитя, припомнил отношение общества к таким, как я, в тот момент, когда была необходима их помощь. А ведь это все русские люди, хомо сапиенс моралис — человек духовный, просветленный, как говорит Пришелец. Так причем же здесь эти люди, что стоят сейчас сбившейся в бесформенную массу оравой и смотрят со страхом на нас? Ведь вина их лишь в том, что не имеют они нового гена!

Толпа низкорослых, с полметра ниже, чем я, смуглых людей мрачно наблюдает, как Пришелец идет к пирамиде. Здесь и женщины с голой грудью и всклокоченными волосами, держащие на руках младенцев, и чернявые дети жмутся к их ногам, подростки и мужчины, и все тревожно провожают взглядом одинокую фигуру, что проследовала мимо них. Зловеще величественна она и угрожающе тверда походка. И в багряном свете уходящего солнца от нее веет смертью, и не надо шестого чувства, чтобы понимать это.

По одному из толпы выходят мужчины, подбегают к пришельцу, замахиваются ножом ли, мотыгой или копьем, но не выходит — не пробить электрический купол. Их ударяет током и отбрасывает назад. Они возвращаются, за ними другие, и от бессилия уже рычат, но пробуют снова и снова. Затем вой, плач, падают на колени, тянут руки в мольбе, и, не зная языка, можно догадаться, что они умоляют о пощаде. Их палач не обращает на них внимания, и вроде даже жестче и быстрее его шаг. Теперь дети. Они протягивают темные ручки, что-то бормочут, плачут и, дотрагиваясь ненароком до стенок купола, падают тут же и лежат не шевелясь. К ним бегут матери, приводят их в чувство и уносят обратно в толпу, выкрикивая проклятия.

Я стою ни жив ни мертв от увиденного, похолодела спина, трясутся руки. Прибор, дающий Пришельцу защиту, у меня, а он идет к своей цели, не глядя ни на что — твердо и с маниакальной уверенностью, что все, что он делает — единственно правильно. Бесит он меня своей уверенностью, бесит равнодушием, бесит своей близостью с Азанет, и я решаюсь. В голове вдруг стало пусто, руки перестают дрожать, а перед глазами дымка, и через эту дымку я вижу, что Пришелец почувал уже мое настроение. Резко повернувшись, смотрит уставшими, мутными глазами прямо на меня, а голова его, огромная и вытянутая, мотается в отрицании — «Не делай этого!» Поздно. Защиты у него нет больше, одним движением пальца я снял ее, а дальше как в страшном сне.

Толпа, повинаясь инстинкту, бросается на него, в агонии смертного страха растеряв человеческий облик. Месиво из рук, ног, голов, зубов. Они бьют, грызут, рвут на части его обреченное, синее тело. Минута, и пришелец скрывается в гуще рычащих и кричащих существ. Из проема показывается Азанет, рот ее открыт в немом крике, я же, видя ее, снимаю защиту и с себя. Но она на меня даже не смотрит, бросается к толпе в надежде спасти еще того, чья кровь синими брызгами залила уж пески, и не дает она мне удержать ее, отталкивает с такой

силой, что я лечу в пропасть проема, по ступенькам вниз. Спинай, корпусом, головой ударяюсь о них и теряю сознание и прихожу в себя для того, чтобы как можно скорее подняться обратно, установить над собой купол и понять, что все — поздно. Все кончено. Два тела стали одним сплошным комком, не видать, где Азанет, где Пришелец, сплошным хороводом из частей тела, внутренностей и плоти. Голов нет, а песок почернел от крови, синей — Пришельца, и голубоватой — Азанет.

Люди, давно заметившие меня, стали подходить, словно принохиваясь. Тела, руки и рты их в крови, но они улыбаются довольно, и вроде даже принимают меня за своего спасителя. И тут один из них поднимает руки, победный клич вырывается из его чумазого рта вперемешку со смехом, а в руках этих — головы. От ужаса я даже присел. Страшное лицо пришельца словно маска, посмертная, жуткая, — холодным укором смотрят остекленевшие глаза, Азанет же умерла в крике, вместо некогда прекрасных глаз — черные провалы. Человек, державший головы, удовлетворенно потряс ими, словно хвастаясь трофеем, словно в попытке похвастаться передо мной.

Но боковым зрением я уже вижу, как к проему подходят особо смелые и любопытные. Хотя и в шоке, но в полном понимании, что пора уходить, дабы закрыть вход в подземный город и не пустить туда дикарей, я с тоской смотрю в дыры вместо глаз Азанет, будто ища в них поддержки и направления, и иду в сторону входа. От электричества, что исходит от купола, столпившихся вокруг проема отбрасывает, и еще, в последний раз глянув, будто через пелену, на остатки тел, я спускаюсь в сумрак тоннеля. Закрываю плотно за собой засов и иду к городу, в полном отупении и помутнении сознания.

И вот я уже в комнате, но чувство, будто не один. «Пришелец?» — первая мысль.

— Ау! — Мне аукнули в ответ, и в открытую дверь, ведущую к площадке пирамиды, шмыгнула темная, маленькая фигурка. Я за ней. Дикарь с поверхности! Убегает от меня, спускаясь тем же способом, как я когда-то спускался, только-только попав сюда.

На пятой точке. «Только попав сюда!» — Осознание беды пришло вместе с картинами из прошлого, где я несколько минут как переместился во времени, несколько минут, как понял, что я избранный, вроде Моисея, и должен вывести народ, где я несколько минут как встретил Азанет. «Азанет погибла! И вроде я виноват!» Защемило, загудело, заболело в области груди, я сел на верхнюю ступеньку, зажал голову руками, зажмурился и, раскачиваясь из стороны в сторону, думаю, а мысли, обгоняя друг друга, болезненным вихрем проносятся в голове.

«Прав был Пришелец, это замкнутый круг! Эти люди, из подземного города, выросшие в тепличных условиях, не смогут постоять за себя! Наверх им нельзя, их просто убьют! Ох, Азанет, любимая моя, нежная моя, сильная моя, что же я был глух к твоему зову? Как же я не уберег тебя, подлец?» Я завыл. Бездушным отголоском эха отозвался город, пустынные улицы, безликие дома, и ничего мне не нужно здесь без нее, без Азанет, все напрасно, чуждо и безразлично мне.

Вспомнил ее губы, сладкие, дарящие слова любви, ее глаза, горячие, иногда насмешливые, иногда печальные, ее слезы. «Она знала, но молчала, предоставив мне самому сделать выбор! И вот я выбрал, а теперь и эти губы, и эти глаза — растерзаны, и в качестве трофея в руках дикаря!»

Вою, вою от бессилия, от злобы на самого себя, от безмерной тоски. «Ну почему она пошла на верную гибель?» — Снова вой, от того, что, зная характер жены, не сомневаюсь — будь на месте Пришельца я, чтобы защитить меня, кинулась бы она в самую гущу, не задумываясь. «И ради пришельца кинулась! Кем он был для нее? Другом? Учителем? Отцом? А может, любимым?» Но любила она меня, я знал это, чувствовал. И опять вой, потому что придется с этого момента думать о ней в прошедшем времени.

Внезапно чья-то рука ложится на мое плечо. В прострации поднимаю глаза и вижу человека с поверхности, что убегал от меня только что, но вернулся, услышав мои стенания. Взгляд

полон сочувствия и беспокойства, но руки и рот в синей крови, лопочет он чего-то на своем языке и улыбается, заискивающе заглядывая в глаза. Слепая ярость затмевает мой разум от довольной его физиономии, от этой улыбки, что показывает зубы, в щербинах которых кровь, скидываю его руку с плеча, встаю и бью его в чернявое, мелкое лицо, со всей своей молодой силы.

Человек не ожидал, улыбка сходит с его мордочки, кустистые брови сошлись к носу, он вскакивает на ноги и вцепляется крючковатыми пальцами мне в горло. Я вцепляюсь в его. Ростом я выше, в плечах шире, и в весе мой противник уступает мне, но справиться с ним я не в силах. Он давит, я задыхаюсь, и руки его, костистые, цепкие, как птичьи лапы. Я тяну его за упругую шею вверх, весом он с подростка, но тяжести я не ощущаю, лишь ярость. При моем слабом физическом развитии, при абсолютном незнании, как вести себя в драке, только злость давала сил, только ярость стала советчиком. Противник тоже не прост, недостаток веса и роста он компенсировал ловкостью, юркостью и сноровкой.

Изогнувшись, как змея, и опершись ногами в мои плечи, оттолкнулся, отпрыгнул и, ловко перевернувшись через голову, приземлился на площадке. Горло мое свободно, я жадно ловлю ртом воздух, но он не дает передышки. Отпрыгнув пару метров назад, для разгона, с диким криком, согнувшись, бежит на меня, обхватывает руками, бодает в живот и валит на землю. Сам прыгает сверху и, как дикое животное, рвет зубами, когтями мою плоть. Я бью кулаками в бока дикаря, но бесполезно, мои удары не вредят ему, а силы уже на исходе. В сравнении с ним я как ленивец, неуклюжий, медлительный, и на минуту даже смиряюсь со своей участью, устав от борьбы, от жизни, которая без любимой не имеет теперь для меня смысла.

Но проклятый инстинкт самосохранения заставляет продолжать сопротивляться, идти до конца. Зубы дикаря дерут мой кадык, колени уперлись в грудную клетку, лишая любой возможности дышать, и из последних крупиц воли я приподнимаю его, подсовываю под него ноги и с силой отпихиваю. Его подбрасывает, но лишь для того, чтобы зубы его на моей шее сомкнулись еще сильнее. Тогда я обхватываю его голову ладонями и ожесточенно, с обреченностью утопающего, сдавливаю его виски. Человек рычит, мотает головой из стороны в сторону, хватается за мои руки своими, но не отпускаю, и вот уже глаза его налились кровью, он ослабляет хватку, и я все же спихиваю его с себя. С легкостью мячика он катится по площадке и, не успев даже понять ничего, срывается по ступеням вниз.

Я лежу, судорожно хватаю ртом воздух, от напряжения сводит мышцы и трясет, а слух улавливает глухое шлепанье тела по ступенькам и стоны человека, который только что чуть не убил меня. Затем все стихает. Дрожащими руками ощупываю себя — тело порвано до мяса, ошметки кожи свисают рваными тряпками, грудная клетка вдавлена, и, видимо, переломаны ребра, потому как каждый вдох отдается в легких нестерпимой болью. Еще горло — дикарь почти отгрыз мне кадык, он вывернут, и торчит из раны голая кость. Повсюду липкая кровь, и имеет она неестественный цвет, вроде красная, но с небесно-голубыми вкраплениями. «У Азанет, кстати, была подобная!» — только и успел подумать я, как в голову вплыл туман, сознание спуталось и побелело перед глазами. В полуобмороке я слышу, как хрустят мои ребра, давая свободу дыханию, встает на место мой кадык, чувствую, как саднит и щиплет мою кожу и в ранах, бурля, закипает кровь — вывернутая зубами моего противника плоть срастается, ткань соединяется, спаиваются вены и сосуды. Дымка перед глазами рассеялась, оставляя опьянение как от наркоза, еще мгновение, и я цел, будто ничего и не было. И только теперь я понимаю, что все, что говорил мне пришелец — чистая правда.

«А я, глупец, не слушал его!» — Я встал, подошел к краю площадки, дабы взглянуть, как там мой соперник. Он лежит лицом вниз, и, раскинув в стороны руки, фигурка его с высоты кажется крошечной, а под неестественно выгнутой головой растекается лужа. Мне вдруг стало жаль его, насколько маленьким и беззащитным он выглядит. Спускаюсь. «Он жив!» Мелко подрагивают его узкие плечи, и слышится сиплый стон. Я хотел было уйти, но что-то не пустило

меня, может, жалость, может, стыд, может, еще чего, не знаю, но я вздохнул, поднял его на руки, закинул на плечо и понес эту ношу, ставшую вдруг безмерно тяжелой. Понес в больницу, благо недалеко.

У входа стоит местный врач, сероглазый, средних лет, невысокий, но осанистый, и вглядывается он в опустевшую улицу, будто ждет. Увидел меня, окровавленного, с безвольно болтавшимся на мне раненым дикарем, насупил брови, без разговоров указал мне на вход, будто ждал именно меня. Я прошел, — он следом. Уложили раненого на кушетку, доктор осмотрел его, его голову, покачал головой, пощипал, затем поднял на меня сосредоточенные глаза и заинтересовался — кто этот человек и как произошло с ним такое. Я не стал ничего объяснять, лишь попросил положить пациента в отдельную палату, желательно без окон, дабы тот не смог сбежать, и приставить к нему охрану. Врач откашлялся, стер с уголка губ раненого синюю кровь, протер ее в пальцах, понюхал, лизнул и снова впери́л в меня пытливый взгляд.

— Что происходит? — спросил он резко. Что мне было отвечать? Я замешкался, начал юлить, мол, не знаю, на улице нашел, валялся он себе возле пирамиды, никого не трогал — тут я иду... Но взгляд доктора горел нетерпением надавать мне по морде за вранье, а в голову опять залезло осознание всего ужаса произошедшего, и снова захотелось выть. Снова перед глазами черные провалы вместо глаз Азанет, и мертвые глаза Пришельца, смотрящие с осуждением на меня. «Ты — царь! На тебе ответственность за народ!» И я вою.

— О-о-о! — Втянул голову в плечи, зажал в кулаках свои волосы и оседаю на пол.

Только сейчас я понял, насколько одинок и потерян без них. Доктор зажег что-то и сунул мне под нос, я вобрал в себя терпкий дым, чихнул, потом вдруг скис, обмяк, перед глазами поплыло, на минуту стало все неважно, не к спеху, и захотелось смеяться. А он наклонился, взял в руку мой подбородок, помотал, пощелкал перед носом пальцами — следя за зрачками, и властно произнес:

— Рассказывай!

Наглость, конечно, учитывая мой царский сан, но то ли от воздействия дыма, то ли от отчаянья, я рассказал ему про Пришельца, про Азанет, что их убили люди с поверхности, что я хоть и царь, но весьма одинокий царь, царь без царства, ведь я чужак в этом городе и без погибших нет мне места здесь, а что делать дальше — не знаю. Не стал я ему рассказывать, кто я и откуда, умолчал также и про скипетр, что перемещает предметы, и про диск, и про свое быстрое выздоровление — не нужно ему знать лишнего, да и смутно казалось мне, что ни один здравомыслящий человек не поверит в такое. Доктор выслушал меня терпеливо, заглянул еще раз в мои глаза, словно выискивая признаки помешательства, и кивнул в сторону дикаря.

— Что с ним делать? Лечить?

Я уже не думаю об этом, все мои мысли уже с погибшей Азанет, но отвечаю:

— Усыпить бы его, он опасен...

Доктор смотрит на меня исподлобья, как на обнаглевшего преступника.

— Не принято у нас усыплять живых людей...

В покои я вернулся опустошенным и уставшим, как разбитая телега. Поставил скипетр в угол и прилег. Все здесь оставалось как прежде, все еще благоухало ароматом Азанет, ее теплом, ее присутствием. Только сегодня она встала с постели — вот еще остались неостывшие очертания ее тела — только сегодня ночью я держал ее в своих объятиях, ласкал и целовал...

В слепой агонии ложусь на ее место, стискиваю ее подушку, простыню, вдыхаю полной грудью запах — запах полевых цветов... Мысль — «Что же дальше со мной? С народом подземного города? Ты — царь!» Взгляд выхватывает корону, что лежит на том же месте, где я оставил ее вчера, под отковыранным Азанет камнем тонкая пластинка с человечком. «Я — царь! Я должен думать о народе, я должен думать, как вывести их! Меня помазали не напрасно! Я должен думать, как Пришелец!»

С этими мыслями я еще раз поцеловал подушку Азанет, погладил место, на котором она спала недавно, окинул прощальным взглядом обстановку покоев, что милыми мелочами так напоминала о жене. И с решимостью встал, чтобы надеть корону и не задумываться больше о себе и своем горе, не чувствовать боли от утраты, а думать о другом, более злободневном — чтобы править народом и искать пути выхода из-под земли.

Глава 6

Лежа на кровати и видя, как краски жизни меркнут предо мной, уступая место все той же всеобъемлющей любви и тяге найти лучшую долю для народа подземелья, сам не заметил, как заснул. Пришелец возвышается надо мною. Лицо его — страшная посмертная маска, но он говорит. По-прежнему беззвучно, телепатически, досадливо отчитывает, как нашкодившего ребенка.

«Каждый раз одно и то же! Ну почему ты не послушался? Ведь это был самый простой и безболезненный способ устранить их... Хорошо, что я предусмотрел такой поворот!» Он берет скипетр, и мы уже на поверхности. Пирамида, пески, тела убитых. Плоской синей рукой он лезет в кучу из их останков, достает пластину, что несет за собой смерть, прячет в складках балахона, затем поворачивается ко мне, в тусклых, мертвых глазах — вызов.

Стучит скипетром — выходит проекция. Снова наша Солнечная система как на ладони. Сухим пальцем отодвигает Луну от Земли, недалеко, но я знаю, что это действие повлечет за собой ужасные последствия. «Не вздумай поставить ее на место! — строго, нервно говорит он. — Я хотел как лучше... теперь же дикари попросту умрут от жажды, а значит, и голода! Твоя же задача — заслужить авторитет, стать полноценным царем и вывести людей. Три года! Запомни, у тебя три года! Не больше! Ведь только на это время в Ковчеге есть запас ресурсов, запас продовольствия и еще... воздуха... дальше — смерть!» Затем печально: «Вот видишь, что ты наделал? За три года дикари, если не умрут все, по крайней мере ослабнут настолько, что не в силах уже будут сопротивляться... Ты добьешься их, найдешь способ. Затем поставишь спутник на место, вот сюда!» — нажимает на экран, выделяет светящейся точкой нужное место. — «Смотри, никакой самодеятельности! Больше в этом времени, в этом мире ты меня не увидишь, подсказать будет некому... но не прощаюсь!» — и поплыл в сторону.

Я кричу ему вдогонку:

— Как вас зовут-то? — но он уже не слышит меня.

Спал я еще долго, и уже без сновидений, сказался, видимо, стресс от произошедшего со мной накануне. Проснулся я утром, и первое, что почувствовал, это невероятно четкую уверенность, что план Пришельца — наилучший выход из создавшейся ситуации. Нет больше желания выть, и постель, где спала Азанет, не вызывает столь бурных эмоций. Другие дела меня ждут. Надо собрать народ на площади и объявить о смерти их старого правителя. Мне предстояло начать править, но сперва надо занять помощников, ведь даже собрать людей на площади я не умел. Взял в руку скипетр, постучал им по полу. Ничего не произошло, нет ни проекции, ни изображения Солнечной системы — ничего. Вспомнил, что Пришелец включал его только на поверхности. «Надо будет опробовать его там...» Вышел, праздно, неспешно побродил по городу, но он пуст. «Где здесь искать помощников? Как их звать?»

Из храма слышится бормотание, молятся люди, просят сил для исхода, который уже отменяется — пока отменяется. Зашел, специально споткнулся, нарушил тишину и привлек к себе внимание, нарочно громко молюсь и в молитве прошу у Бога послать мне нужных людей, быть моими соратниками и помогать во всем. Ведь я — царь, а царю негоже оставаться одному.

Уловка сработала: на выходе меня уже ждали пять человек, обступили и спрашивают, нужна ли мне помощь в лице простых смертных, их то бишь. Я рад, но разговариваю степенно и благородно, ведь, как мне казалось тогда, по молодости, именно так и должен разговаривать правитель. То ли прошу, то ли приказываю им собрать всех на площади, дабы сказать что-то важное, и с чувством выполненного долга, развернувшись на голых пятках, царской походкой шествую на пирамиду. Там усаживаюсь на трон и размышляю. «Люди эти наивны как дети, у них нет истории, и умы их не бередают прошлые войны и невзгоды... они не знают голода,

холода, нищеты и эпидемий. У них есть только Бог и маячивший впереди исход, коего они боятся больше всего на свете. Так я дам им то, чего они хотят!» Понемногу с улочек на площадь начали подходить, неся с собой ропот, опаску и недоумение. Люди напряжены, потемнели от страха их глаза, озираются они пугливо и не смотрят друг на друга, только лишь на меня.

Я же тяну нарочно время, чтобы создать большой накал, чтобы дать им прочувствовать в полной мере последующее облегчение, и хочется мне выступить в роли такого спасителя, снимающего с их плеч тяжелое бремя — необходимость самостоятельности. Наконец все вроде собрались, и я встаю, мельком подумав, что неплохо бы выделить чем-то своих помощников, а то в толпе их совсем не видать. Откашлялся, люди замолчали, тишина такая, что кажется, упади сейчас гвоздь, слышно будет на всю округу.

Начинаю:

— Горожане! Жители Ковчега! Верховного царя и его помощницы — моей жены — нет больше! Они погибли! — Снизу слышатся вздохи и бормотания. — Они готовили вам судьбу, страшную и губительную! Там, — я указываю вверх, — смерть! Смерть от рук людей, похожих с вами внешне, но отличающихся от вас противоположно... варваров, зверей в человеческом обличье. Но не рассчитали своих сил ни царь, ни жена моя, и сами теперь убиты... — И понимаю я уже, что говорю не то — гадости и глупости, но не остановить меня, потоком вытекают слова, и списываю я уже эти метаморфозы на корону с пластиной. А толпа уже воспряла, поддерживает меня восклицаниями и отдельными хлопками.

— Потому исход отменяется! Это слишком опасно, неразумно и ненужно, ведь нам и здесь хорошо. — И, уже растеряв последние остатки разума, в желании завоевать расположение ору что есть мочи: — Столько лет мы прожили под землей, зачем нам куда-то уходить из дома, из своего дома?! — Толпа восторженно ревет, рукоплещет, и, чтобы закрепить эффект, напоследок говорю тихо, скорбно:

— Верховный царь и жена моя заблуждались, но умерли они не напрасно, ведь через их гибель нам открылась истина... Царствие им небесное! Они святые, они первопроходцы, они принесли свои жизни в жертву для того, чтобы мы поняли: туда нельзя...

Толпа гудит и кричит, кто-то плачет, но с облегчением, а я усмехаюсь про себя: «Выстрелило!» И с еще более скорбным лицом:

— Помолимся... склоним головы... помолимся за их упокой...

Люди склоняют головы, я кажусь себе почти Богом, ведь я избавил их от страха, возвел в ранг святых Пришельца и Азанет, и, гордясь собой, окидываю властным взглядом толпу, смиренные макушки людей, а взор выхватывает металлический блеск серых глаз Доктора, и ничего хорошего не сулят эти глаза. С брезгливостью они смотрят и с обидой. «Надо навестить его, сегодня же!»

И вот молитва закончилась, толпа успокоилась, я вскидываю руку в отпускающем жесте и говорю:

— Идите! Живите прежней своей жизнью, не бойтесь, пока я с вами, ничего меняться не будет... — И, демонстрируя, что речь завершена, усаживаюсь обратно на трон.

Я опустошен, устал, и гложет уже чувство вины за сказанное только что — ведь знаю, Верховный и Азанет умерли не без моего участия. Да и исхода не избежать... Люди внизу погугарили еще немного, пообсуждали услышанное и стали расходиться, а ко мне уже спешат мои новые знакомые, что помогли мне сегодня собрать толпу. Стоят, неловко переминаясь с ноги на ногу, и смотрят, выжидая.

— Спасибо, друзья! — Они переглядываются: рады помочь царю. — Ваша помощь еще понадобится мне завтра. Если не будет у вас других дел, приходите сюда, к трону...

Выходит чуть вперед самый высокий из них, самый смелый:

— Мы можем оставить свои дела навсегда ради вас, повелитель...

— Да, да... пожалуй, так будет лучше... — И закрыл глаза, давая понять, что разговор окончен.

Я один. «Пора! Боязно выходить, но пора опробовать скипетр. Да и тела бы забрать не мешало... похоронить по-человечески...» Открываю дверь, иду по тоннелю, выхожу на поверхность, думая только о том, что если скипетр не запустится, не сносить мне головы, ведь тогда я не смогу окружить себя защитным куполом. Пустыня встретила меня холодным ветром, раздувающим пески, и Луной, что маленьким, безмерно далеким, бледным полумесяцем светит в казавшемся таким необъятным черном небе.

Я стучу скипетром по сухому песку, и вот она — проекция, выплывает спиралью и сияет синеватым экраном, освещая пространство вокруг. Окружаю себя защитой, вглядываюсь в темноту. Никого вокруг, ни души, никто не угрожает мне, лишь пирамида, такая холодная, величественная, монументальностью своей и правильностью форм угрожающе будто гудит от ветра, будто в нетерпении доделать то, что накануне не сделала. В сумраке, в месте, где лежат мертвые, виднеется бликом белое покрывало. Подхожу ближе, отдергиваю его и в ужасе вижу, что сложили их правильно и любовно, собрали вместе их руки и ноги, а головы их лежат лицами вниз, между тех ног. «Мумии! Из них хотят сделать мумии! Но зачем? Да чтобы использовать для поклонения и молитв, все же Боги, а тела их — святые мощи...»

С помощью скипетра вырыл яму, тем же способом скинул туда останки, тем же способом закопал. «Пусть земля будет им пухом!» Перед тем как спуститься обратно в проем, окидываю прощальным взглядом пустыню, пирамиду, мерцающий вдали редкими, желтыми огнями город. Жители его, обреченные на смерть, укладываются, наверное, спать и не знают, не ведают, что их ждет. А может, и знают, ведь у них инстинкты. Это пока мало что поменялось, словно стихло перед бурей, но земля в напряжении и вот-вот обрушит на их головы несчастья. Спустился. «Теперь надо бы навестить Доктора!»

В больнице тихо и безлюдно. Я побродил немного, осматриваясь, — больница как больница, пахнет спиртом, валерьяной, и наглухо заперты все двери, все, кроме одной, из которой выходит, насупившись, Доктор. Увидел меня, остановился на секунду и махнул рукой, приглашая внутрь. С порога, не медля ни минуты, воскликнул:

— Что вы несли там, на пирамиде? — Тон его коробит меня, ведь я уже вжился в роль царя, но оправдываюсь:

— А что мне было делать? Людям нужен покровитель взамен старого... ведь ситуация такова...

Он не слушает:

— Так цинично и грубо выставить Верховного царя глупцом и неудачником! А ваша жена? Не вы ли еще вчера стенали здесь, оплакивая ее? Еще вчера вы были человеком, смертным, и что же поменялось теперь?

Я не смотрю ему в глаза.

— Ответственность давит на меня, народ важнее, да и кому будет легче от того, что я продолжу траур по погибшей жене... ее не вернуть уж...

Он смягчился немного.

— Но зачем дурить людям головы? Ведь понятно, что рано или поздно придется выходить!

— Пусть поживут спокойно немного, у них есть еще время... Решится этот вопрос потом, ведь не зря же Пришелец помазал на царство именно меня...

— Пришелец? — Взгляд Доктора стал ледяным. — Пришелец здесь как раз — ты! А он был здесь всегда, строил этот город, любил и заботился о жителях, о своих творениях, имел четкий план на их жизни... а ты можешь похвастаться этим? Он выбрал тебя, и для меня до сих пор остается загадкой — почему? Но я привык доверять ему, его решениям, как, впрочем, и все остальные люди. Любой в этом городе будет помогать тебе хотя бы из уважения к нему!

И я стою перед Доктором, смотрю в его мерцающие упрямой верой глаза, и подмывает меня рассказать ему, что цена их благополучия в будущем измеряется бесчисленным множеством жизней аборигенов, что не такой уж Пришелец и добренький, раз задумал истребить одних ради жизни других, в этом его план, но молчу. И, прощаясь уже с ним и взяв с него клятву, что разговоры наши останутся между нами, жму ему руку, но он не понимает рукопожатия и вытирает ладонь о бедро. Этот человек еще долго занимал мои мысли.

Когда я вернулся в покои, уже смеркалось. Корона не давила, я почти не чувствовал ее, и наоборот, направленность мыслей, понятие целей, которое она давала, принесли облегчение. Ничего не смущало меня в этой почти загипнотизированности, ничего не настораживало. Со спокойной отрешенностью я заснул.

Тогда, именно в эту ночь, я и увидел впервые сон, который терзал еще долго. Мне приснилась больничная палата, пустые стены, лишь раковина в углу, и из крана капает вода. Я лежу на кушетке и от боли не могу поднять голову. Тут и там по углам шорохи и шепот. «Закрытая черепно-мозговая травма!» — шепчут в правом углу. «Застарелая!» — шепчут в левом. Все в тумане, сизом, холодном, искрящемся снежинками. «Снег в помещении!» — Мне вдруг смешно, хохочу в голос, придерживая голову руками, чтобы она не лопнула, и она огромна и вытянута как дыня. Надо мной склоняются лица, их черт не видно, только размытые пятна. — «Ему хуже...» — голосом Ваню говорят слева. «Ему хуже!» — голосом Доктора вторят справа.

Проснулся в поту, но новый день светит в окно, люди, успокоенные вчерашней речью, повыходили из своих домов со своими делами, и надо начинать править по-взрослому. Прежде всего я полез в короб с вещами Азанет с целью найти там что-то, чем можно выделить из толпы своих помощников. Нашел отрез ткани в красную полоску, раскроил его на равные квадраты и пошел наверх, на пирамиду. Помощники мои уже здесь, ждут меня, нетерпеливо переговариваясь и вглядываясь в дорогу, ведущую к покоям.

Первым делом я подал им лоскуты:

— Это знак вашего отличия, чтобы из толпы выделяться! — поясняю я, а они в полном непонимании, чего же я хочу. Повязываю платок на голову первого попавшегося. — Вот так! Теперь вы мои охранники, моя свита, мои соратники, ваша задача — помогать мне во всем, моя задача — доверять вам.

На том и порешили. Пошли осматривать владения. Новые образы смешат их, они то и дело подтрунивают друг над другом, и подтрунивают над ними прохожие: — «Мужики в платках!» — но платков не снимают. Я же серьезен, думаю о деле, сосредоточен сейчас, изучить инфраструктуру, понять, чем живут здесь люди, как работают, чем дышат. Любопытствующей делегацией шествуем мы по городу, по узким улицам, заполняющимся звуками привычной этим людям жизни.

Город шумит, ездят туда-сюда телеги-машины, все куда-то торопятся, окликают, сигналият, пахнет лепешками и свежей зеленью, открываются лавки и мастерские, заводят песни прачки, и из кузни доносится равномерный стук. Ожил город. Сказать, что я удивлен его устройством — не сказать ничего. Все здесь гармонично, лаконично и продуманно, неудивительно, что народ не хочет покидать его, ведь очень быстро его уклад стал ассоциироваться у меня со страной победившего коммунизма. Денежной системы нет, да и денег никаких нет, о служителях правопорядка никто и не слыхивал никогда, а армией и войной здесь и не пахнет. Люди приветливые, отзывчивые, богобоязненные, и держится вся политика на законах Божьих, и эти законы воспитали идеально цивилизованное общество. Помоги ближнему, и он поможет тебе — вот, собственно, и вся философия. Если человек ни в чем не нуждается, ему не надо обманывать, воровать и убивать, а истинно верующему не нужно лишнего, всегда хватает того, что он имеет, и даже наоборот, отдавая последнее нуждающемуся, он будет искренне счастлив, что смог помочь.

А это общество молодое, неискушенное, воспитанное в вере и в довольно замкнутом пространстве. Здесь все знают и уважают друг друга, здесь каждый — звено единой цепи, каждый вносит посильный вклад в общее устройство быта, каждый ценен. Пекарь — печет, парикмахер — стрижет пекаря, и взамен к его столу — хлеб, строитель — строит, и далее в том же духе. Любой может воспользоваться трудом соседа, даже и безвозмездно, неважно, от этого только радость, что труд твой не напрасен, что ты сам не напрасен. Если человек болен, стар и немощен, здесь он не будет голоден и нищ, его накормят и обогреют скорее всех остальных, ведь так поступать велит Бог, а Бог здесь превыше всего. «Но останутся ли они такими же великодушными, если грянут изменения? Вдруг война? Голод? Что станет с их не знающими порока сердцами?» — И я еще раз убеждаюсь, что выводить их на поверхность, пока там находятся аборигены, — нельзя. Не торопясь, потихоньку, по дороге знакомясь с местными, дошли и до окраин. В типовых постройках здесь живут крестьяне, дальше, между заграждений оросительных каналов — теплицы и сады, стойбища скота и складские постройки. Удивлению моему нет предела, насколько продуманно здесь все до мелочей.

Из каменной мельницы, что находится ближе всего к нам, вышел пожилой, кудрявый человек, махнул одному из моей свиты — узнал. Жестом подозвали его подойти поближе. Я спросил его, кто у них главный и с кем можно поговорить, на что он удивленно вскинул брови и объясняет:

— Так мы все. За каждым участок, за мной вот мельница... Каждый свой участок обрабатывает, затем урожай собирает, затем овощи на склад, зерно на мельницу, мельники перерабатывают в муку, мука здесь. — Он показывает на широкие углубления в основании строения — в коробах ссыпана, приходи — бери... — Говорит будто о чем-то обыденном и стандартном, косо поглядывая на меня, будто учитель на нерадивого ученика. — Берут в основном хлебопеки, да мамаша какая, может, захочет ребятишкам лепешек испечь.

— А если неурожай? — Он дивится, даже слова такого не знает.

— Это вам лучше у них спросить! — и машет в сторону двух молодых людей, что проходят как раз мимо.

Я напоследок спрашиваю:

— Не жаль труда? — И снова непонимающий взгляд.

Дальше по накатанной — к нам подходят люди, я спрашиваю, они отвечают, я удивляюсь. Удивляюсь открытости и добродушию, бескорыстию и самопожертвованию этих людей и отдаю должное Пришельцу. Так правильно и точно выстроить их уклад, в совершенстве привить лучшие ценности! И все по доброй воле, безо всякого насилия! И это притом, что скудоумными они не были, а как раз-таки образование, хоть и базовое, все же здесь было. Иду дальше, и хочется мне понять, где здесь границы, где он закончится, этот подземный рай? За постройками рудники и плавильни, снова удивление — работа отлажена математически точно, все механизировано и настроено по линейке, продумана каждая деталь. Рабочие машут нам, приветствуют и занимаются своими делами дальше. За рудниками бескрайние поля и пастбища, уходят вдаль и соприкасаются с горизонтом, и все уже устали — переходить эти поля совсем не хочется.

— Что там, за ними? — киваю я в сторону полей.

— Пустыня... Верховный царь туда пешком не ходил, а ездил... — «Как же я не подумал!»

— Вернемся, на сегодня хватит просмотров, а завтра я съезжу один, ведь должен же правитель знать, где границы его владений!

Снова недоуменные взгляды, и мы идем обратно, мимо металлических конструкций плавилен, мимо добротных курятников и ухоженных сельхозугодий, и в голове у меня крутятся чехардой мысли: «И почему же в моем веке и моем мире нет такого устройства? Чтобы человек вот так просто работал бы, имел, что имеет, и был бы доволен. Нет, лучшие умы, прогресс

и развитие не дают человеку главного — понимания своего предназначения в мире. Предрассудки, зависть и лень правят людьми. А здесь Бог, его Закон. Не Пришелец и тем более не я — Бог здесь правит. А Бог говорит: надо так, и никак иначе, и незрелый, не знающий никакого другого формата, стерильный ум не сомневается, слепо следует заповедям, ведь сравнивать ему не с чем. Не знают эти люди другого, не хотят знать, да им и не следовало бы знать, и вся проблема теперь в том, что придется. Ведь без связей с внешним миром их уклад бесперспективен и обречен на смерть...»

На следующий день, встав еще затемно, я сел в повозку, любезно предоставленную мне одним из моих помощников, и поехал в заданном направлении. Интересно была устроена та повозка — этакий симбиоз катамарана и инвалидной коляски. Раскачиваешь ее, тяжестью собственного веса выжимаешь ногами педали, руками дергаешь за рычаги и, переставляя их поочередно от себя и на себя, набираешь скорость, и дальше на инерционной тяге едешь уже, управляя все теми же рычагами. Не быстро, конечно, да и трудоемко, но зато без бензина и выхлопных газов, сопутствующих современным автомобилям, к тому же лучше плохо ехать, чем хорошо идти.

Миновал город, окраины, рудники, выбрался на поля и по проселочной дороге вдоль канала проехал и их, наконец — пустыня. Бескрайними утрамбованными, сухими песками тянется вдаль, а в дали той бело-голубая дымка притягивает взор и манит подойти поближе и разглядеть получше. Еду, еду долго и упорно, и будто отдаляется она от меня и меняет цвет, темнеет. От унылого пейзажа смертельно хочется вернуться, а еще пить. Еду уже долго, около часа, и наконец будто попадаю в полосу тумана, теперь на ощупь, и резко, словно из-под земли, передо мной вырастает скала. Вылез из повозки, подошел ближе. Так и есть — ровной вертикалью искусственно обработанная скала уходит в небо и пропадает там, в скученных паровых облаках. Тонкие синеватые, горячие трубки сплошным рядом по ней, и от них свет прорезается через завесу дымки, слепя глаза. Под скалой траншеи с водой из канала, что, в свою очередь, протекает из озера в центре подземного города. Трубки нагревают воду, она испаряется и превращается в облака, скала эта переходит в небосвод, а трубки заменяют солнце. В центре здесь гигантское колесо, потоком воды оно крутится с тихим рокотом и отвечает, видимо, за температуру в трубках и смену времени суток. От восторга я даже зажмурился, нигде и никогда я не встречал подобного. Я присел у воды, попил, умыл лицо, с сожаленьем отметил свой изменившийся не в лучшую сторону внешний вид, бездумные рыбы глаза и обтянутые кожей скулы. «Все корона!» — подумал я отрешенно, и не пугает меня уже этот момент — смирился и привык. Вдохнул, еще раз окинул взглядом эту удивительную конструкцию, делающую жизнь под землей такой комфортной, залез в повозку и покатил обратно.

Потекла неспешно моя жизнь правителя, безмятежно и монотонно проходили дни. Утром я вставал, чтобы усестись на трон и принимать «страждущих», как я окрестил приходящих ко мне на аудиенцию, да объехать иной раз свои владения. Но все это в необязательности, в полном спокойствии и лишь видимости деятельности, ведь не менялось ничего в подземном городе. Те же цветущие поля вокруг, те же аккуратные пастбища, те же рудники. Да и «страждущих» не приходило особо, ведь каждый занимался своим делом — некогда людям по царям ходить. Зато по вечерам в обязанность им вменялось собираться на площади около пирамиды и выслушивать от меня пламенные речи. Но они от этого не напрягались, и даже нравились им эти собрания, ведь после них можно постоять и поболтать между собой.

Я же, используя все имеющееся красноречие, попусту перемалывал уже сказанное однажды. Говорил о необязательности исхода, убеждал их пламенно, жарко, так доходчиво, что скоро и сам поверил в незыблемость продолжения беспроблемной жизни здесь, лишь изредка кольнет воспоминание, сожмет сердце от осознания неизбежности и замкнутости в безвыходный круг и тут же отпустит. И нравились мне эти люди, нравились их открытые лица, ясные, понимающие взгляды — одобрение, что сопутствовало всему, что бы я ни сказал, будь то даже

несусветной чушью. Серых, цепких глаз Доктора не видел я боле, потому некому теперь было упрекнуть меня ни во лжи, ни в замалчивании действительности, и скоро я окреп в своей власти, голос мой стал тверже, увереннее и походка высокомернее. Да и помощники мои изменились. Все чаще слышал я, как они злились друг на друга, спорили по пустякам и делили место рядом с моим тронem. Иной раз доспорятся до того, что сорвут с головы оппонента платок и цедают сквозь зубы, что не достоин он чести носить его, что это символ избранных, а не такого отребья, не такого низайшего глупца.

Среди них даже просматривался явный лидер — высокий, темноглазый араб по имени Анхер. Да эти распри не смущали меня, от скуки и однообразия я даже забавлялся ими и, сидя на троне, не раз провоцировал их, выделяя и хваля или ругая и напутствуя, а потом смотрел, как бесятся они в желании выделиться перед моим высочеством. И так, в праздности, полной отрешенности от невыполненной еще миссии прошло около двух лет, и за это время я совсем забыл и Азанет, и Пришельца, и свою задачу, и много еще чего забыл, но все переменчиво, и вскорости мне напомнили, кто я и зачем я здесь царствую.

Глава 7

В ничем не выделяющийся типовой день, когда я сидел, как обычно, на троне в компании своей свиты, на пирамиду вбежал лысый востроносый старичок. От нетерпения он приседает и, размахивая в бешеной жестикуляции руками, кричит:

— Чудо, повелитель, чудо! Корова, там, у нас в стойле, отелилась теленочком... а у него! — Он задохнулся, поперхнулся. — Две головы! Не было у нас никогда такого! — Завертелся возле меня юлой. — Пойдемте посмотрим, вы первый, кто должен это увидеть!

А мне жутко, на лбу испарина и мозг пронзает стрелой: «Вот и первые ласточки!» Но, не подав виду, встаю и в полном ощущении своего достоинства:

— Пойдем!

Прибыли на место, двуглавый теленок лежит возле матери и четырьмя глазами пялится удивленно на собравшихся, а вокруг фермеры, мельники и рудокопы, да и так, зеваки, собираются уже поглазеть на неведому зверушку. Киснет в голове мрачная мысль: «Что же будет, когда такими будут рождаться их дети?» А вслух:

— Сколько у вас быков-производителей?

Востроносый скребет в раздумьях лысый череп:

— Два! Один стар уж, доживает, его редко используем, а второй сынок его, вырастили замену, теперь главный тут.

Я смотрю на длинные ряды стойл: «Здесь не менее ста голов, и наверняка тот бычок осеменил свою сестру или мать, и не надо быть генетиком, чтобы понимать — им нужна свежая кровь, ведь от близкородственных союзов не жди хорошего потомства».

— А первого быка где вы взяли, тоже вырастили?

— Не, того Верховный царь подарил, за отличную работу! — И рассказывает всю историю от начала до конца, что наверняка делал не один раз, а я соображаю. «Как ни крути, а наружу выйти нужно, хотя бы пока одному, разведать, что там...» И прерываю старика:

— Сколько в городе подобных стойл?

— Так с десятков, вам ли не знать? — Стыдно, но я не знаю.

— Поменяйтесь производителями...

Под удивленный взгляд выхожу, мне надо осмотреть все остальное здесь, ведь в бессмысленном сидении на троне я обленился и не появлялся здесь несколько месяцев. С помощниками прошагали мимо амбарных построек. Завернул за теплицы: передо мной рудники, но нет того пейзажа, что видел я раньше. Огонь плавлен потушен, и везде атмосфера брошенности, пустоты, лишь одинокая фигурка сидит на холме из отработанной породы. Человек видит нас, машет руками и бежит навстречу:

— Царь!

Я спрашиваю его:

— У вас-то что? Почему не работаете?

Человек оттирает потный лоб и, запыхавшись от бега, лопочет:

— Так кончилась руда-то, мы бурим, а там пусто, одна порода... Пора другое месторождение искать!

— Ищите!

Он даже пугается на мгновение.

— Это не наше дело, а царское... раньше как? Куда Верховный ткнет, там мы и копаем, и всегда удачно, а теперь... полезли вроде... да все напраслина! Вот пошли ходоки до вас, а вы уж сами тут, показывайте, где бурить надо, я запомню и остальным передам!

Но я не знаю, чем помочь ему, ведь если ткнуть наобум, то снова может оказаться пустота. Догадка осеняет меня, и тут я выкрутился, отсрочил неизбежное.

— Бурить не надо, пока... Организуйте группу для сбора металлолома у населения, наверняка у них полно ненужного хлама! Пора переработать его! — Одобрение в глазах собравшихся, но мне не до того, в наихудших предположениях я уже иду в сторону полей.

И то, что я вижу здесь, обрушивает мое бывшее уверенное спокойствие как карточный домик. Там, где ранее звенели здоровьем крепкие колосья, полные крупного янтарного зерна — теперь хилые, бледные былинки, через одну бесплодные, изголодавшиеся в обескровленной земле, и, собранная в кулак, она, как пыль, просыпается между пальцев. Бескрайние поля плешивы, и удручающе уныло склонились на них растения, будто в печальной мольбе. «Упадок, вот и упадок!» — подумал я, но, как оказалось, вслух.

— Что вы сказали, повелитель? — Анхер. Я совершенно забыл, что не один здесь.

— Теперь на склады!

Огромные длинные амбары забиты до отказа всевозможной снедью. Здесь и зерно, и мука, соленья, варенья, консервации, в бочках, кадках, в глиняных и каменных посудах, и вид этого изобилия успокаивает меня, но лишь на время и лишь отчасти. «Город большой, народу не счесть, на сколько может хватить этих запасов? Если верить Пришельцу, то на три года, прошло уже два из трех, а дальше? Дальше исход...» И мне стыдно за то, что столько времени я морочил головы людям. «Как же мне признаться им? Еще и собирал их постоянно, успокаивал, а на деле только вводил в заблуждение... Нет, признаться сейчас равносильно признанию, что я не справился и не царь вовсе... но можно оттянуть момент истины, попытаться исправить ситуацию, хотя бы на время...» Пошел обратно, опустошенно, опустив плечи в угрюмой усталости. Перед покоями отпускаю свиту, сказав, что жду их завтра непременно не раньше обеда, и ухожу, напоследок выхватив недоверчивый взгляд пылливо сощуренных черных глаз Анхера.

Сон. Больничная палата, туман и капающий кран, голоса людей — зачастил мне снится этот сон. Лиц не видно, но иногда кто-то склоняется надо мной, пытается заговорить, но я не могу ответить. Открываю как рыба рот, и лишь мычание. Ни одного связного слова, только мысли, хаотичные, бредовые в голове, а она болит. Болит так, что вот-вот лопнет, и нудный кран отстукивает в ней чечетку. «Закройте кран! Затяните его!» — снова мычание. Я просыпаюсь. Вот и утро, пора. Пора подниматься на поверхность.

На пирамиде помощники мои, в полном составе.

— Я же сказал вчера: раньше обеда не приходите!

Они замешкались:

— Но повелитель... мы подумали...

Я злюсь на них, и от своей же беспомощности кричу:

— Вы подумали! Вы не выполнили приказ!

Глаза Анхера — яростные щелки.

— С каких пор нам приказывают?

— С тех самых, как меня помазали на царство! — Я злюсь еще больше, он не отстает, и от его сильной, смуглой фигуры, от заносчивой осанки веет угрозой.

— А не должны ли вы объяснить нам, что происходит в Ковчеге? Нам, особо близким вам людям! Откуда эти изменения? Откуда этот теленок? Бесплодные поля? И не прикрывайтесь титулом, что дал вам Верховный, ведь его давно нет в живых, а царя можно и нового назначить... — Последние слова вполголоса, но они заставили меня вздрогнуть, да и перепалка наша утомила.

Устало оглядываю помощников и усаживаюсь на трон:

— Оставьте меня... прошу всего пару часов... если ничего не поменяется, я все расскажу...

Помощники посоветовались негромко и ушли, а я быстро, как только мог, открыл дверь, преодолел коридор, и вот она лестница, вот он проем. Плита деформирована, засов почти отломан, и по всему видно, что по нему прыгали сверху. Провозившись с засовом около десяти минут, я все же открыл выход и вот, обсыпав мое лицо песком, плита сдвигается, и выхожу я на поверхность.

Ветер, упрямый, промозглый, гонит слои песка в одинокую даль, ни огонька, ни света, ни намека на присутствие людей, в молчаливом, потухшем городе, что бледными очертаниями покинутых домов виднеется вдали. Пирамида, зловеющая, могучая, выделяется на фоне клубящегося тучами, гнетущего, розоватого неба, своим щедрым, идеальным величием напоминая, как мелок и ничтожен человек перед высшими силами. Включил защиту. Так, на всякий случай — понятно, что здесь никто не нападет, ведь оставлено людьми это место. От холода и непонятной тоски, меня трясет в ознобе, и дрожащими пальцами я выдвигаю проекцию на уровень масштабной карты местности. Мне надо понять, жив ли кто, могу я выводить людей? Могу без опаски признаваться?

Нил пересох, пустыня, сплошная пустыня — ровными холмами песков, занесло траншеи и каналы, могильным пустым холодом веет от всего, и безлюдно и безжизненно все. Сохранилась вода лишь в устье, да и то жалким тонким ручейком, неглубокой лужей, с высоты панорамы проекции едва различимой. «А где люди? Выжил ли кто-нибудь? Можно уже выводить людей?» — думаю я, и в предчувствии, в боязливой оторопелости приближаю ту лужу и ручеек. И вот оно. Устье кишит крокодилами, и вокруг этого последнего оазиса раскинулась стоянка выживших. Истощенные, измученные, нагие, в окружении роящихся мух, сидят вокруг костров люди. Они не боятся крокодилов, ведь те сыты, и сейчас все в одной сцепке — желании выжить — люди едят крокодилов, а крокодилы людей.

Стон. «Мне кажется?» — но иду на звук. За входом в подземный город, за плитой, присыпанный песком, бесформенной массой лежит человек. Мальчик лет так десяти, тянет ко мне тощие, бледные, озябшие руки и стонет. Снимаю защиту, чтобы не повредить ему, и подхожу ближе. В тщедушном съезженном тельце ребенка-дикаря — ни кровинки, губы спеклись, и в сумраке подрагивают непролитыми слезами выпученные белки глаз, а изо рта хриплое прерывистое дыхание.

— Что ты здесь делаешь?

Но ребенок не понимает языка и открывает рот, как выловленная из воды рыба, а туда ветер ссыпает горстями песок. Я приподнимаю его голову, он закашливается, белым языком выталкивает песок наружу и стонет тоненько и сипло, и слабой рукой машет в сторону проема. Кручу головой в поисках выхода, тарашусь нервно в темноту, и мысли проносятся, будто в лихорадке, и одно только — «Оставить его здесь, что ли?» — и, будто отвечая самому себе, подхватываю мальчика на руки и несу к входу в подземный город. Преодолен коридор, площадка и крутые ступени пирамиды. «Куда ж тебя?» — Ребенок без сознания, кожа его землистого оттенка, в уголках глаз и губ — песок, а волосы растрепаны и змейками облепляют иссохшее его личико. Столько печали, столько испитого горя в заостренных чертах, а в теле явные признаки дистрофии — вздувшийся живот, суставы вспухли и почернели. «В больницу! К Доктору!» Бегу.

Доктор стоит на улице, снова будто ждет меня. Молча указываю ему на больного, так же молча, принимает он его из моих рук и несет внутрь больницы. Там укладывает мальчика на кушетку и садится рядом, брови приподняты, во взгляде вся палитра чувств, щупает пульс, раздвигает мальчику веки:

— Жив еще, но на грани! — Поворачивается к кувшину, наливает в кружку воды, подносит к губам ребенка и, раскрыв ему рот, вливает.

Поначалу реакции нет, вода лишь переполняет его и струйкой с уголка рта стекает на матрас, затем мальчик закашливается, шумно вдыхает и, не открывая глаз, крепко вцепившись

в руку Доктора, пьет жадно и шумно, до последней капли. Знаком показывает, что хочет еще, но Доктор мотает головой, говорит ему что-то, к моему удивлению, вероятно, на его языке, минута, и под мальчиком уже корыто, и его рвет. Доктор ждет, когда это закончится, смотрит, как он судорожно дышит и вытирает рот трясущейся, костлявой ручонкой, затем кладет ладонь ему на лоб и говорит с ним. Мальчик отвечает сипло, но мне не понять, о чем они говорят. Доктор выходит, возвращается с женщиной, вероятно помощницей или медсестрой, дает ей указания и резко, безапелляционно выводит меня в коридор, который забит почему-то людьми.

— Надо поговорить, но не здесь! — Он почти кричит, и люди замолкают даже, стесняясь будто своего присутствия, переглядываются, и тишина, лишь далекий одинокий кашель заполняет ее. Прошли в отдаленную комнату, ту же, что когда-то служила, по-видимому, личным кабинетом Доктора, а он начал прямо с порога:

— Где вы взяли этого ребенка?

От напора я даже растерялся.

— Наверху лежал, в песке...

— Я уже понял, что в песке, но кто он, откуда взялся?... И почему в таком состоянии?

Меня задевает его яростный тон, и голос мой вибрирует от сдерживаемого напряжения.

— Я не могу сказать вам правду... она слишком жестока, боюсь, не поймете вы...

Доктор вдруг выдыхает, глаза — пламенные блюдца, обхватывает голову руками и кричит:

— Боитесь? Не пойдем? Да вы и Бога-то не боитесь! Да мы поняли все давно! Никакой вы не царь, а самозванец...

Я глупо и растерянно зыркаю на него и пытаюсь оправдаться:

— Я никого не просил назначать меня... Верховный буквально заставил...

Глаза Доктора в гневе, словно в черном дыму:

— Лекарственные травы вянут, не успев дать плодов, как, впрочем, и любые другие растения... и скоро нечем будет кормить скотину, а тем паче людей, а вы все пытаетесь свалить ответственность на Верховного! Поминаете его имя в самом неприглядном свете! О-о! Ведь наверняка он помазал вас не просто так, и не с пустыми руками и мозгами он вас оставил! Если не справляетесь сами, так передайте то, что завещал он вам, другому... тому, кто в состоянии позаботиться о людях! Да и сделать это надо было сразу, не дожидаясь конца...

От его обвинений я злюсь и кричу так же, перекрикиваю:

— Кому передать, вам? И вы считаете, что справитесь? Да у вас это все даже в голове не уложится! Вы же добренький! Вы, ваш город, каждый человек в нем — искусственно созданный проект, созданный синими руками Пришельца! Вы думаете, он любил вас? Заботился? Да он просто вложил в ваши головы программу, новый ген для спасения человечества в будущем, — сделал пальцами кавычки, — каком только, вот вопрос... ведь я из будущего! Своей заботой он ввел вас в зависимость, вы беспомощны без него, неприспособлены... а для того, чтобы воплотился его замысел, умирает сейчас на поверхности целый континент! Народ, и они тоже проект, но неудачный...

Я дышу часто, сердце заходится, и понимаю уже, что наговорил лишнего, но поздно, Доктор все понял и заморгал, и мотает головой в отрицании, а потому продолжаю, не в силах уже остановиться.

— Вся эта цивилизация, весь уклад здесь — искусственные! Фабрика по изготовлению полуфабрикатов, завод по скрещиванию, отбраковке и геномодификации и выращиванию таких, как вы, — справедливых, неприхотливых, работающих... К черту корону! — Снимаю и отбрасываю ее в сторону. — К черту трон! К черту вас! — И без короны, без ее влияния открываются на происходящее глаза, и я вижу Доктора, разинутый его рот, вроде в удивлении или в недоумении, бегающий взгляд его, и почему-то мысль, трезвая и ясная, прорезает мозг: «Он знает!»

Но облегчение. И силы покидают меня, и перед глазами плывет реальность, искажаются предметы, и я, видимо, бледнею, потому, как Доктор заботливо усаживает меня на скамью.

— Спокойней, не горячись, — переходит он на ты, зато тон его уже миролюбив. — Теперь по порядку.

Я подчинился, рассказал ему о планах Пришельца, сбивчиво, перепрыгивая с темы на тему и, разнясь во времени, объяснил, зачем построен этот город и что происходит сейчас наверху. Также рассказал ему про скипетр, про Луну, про корону, про пирамиду и ее смертоносную верхушку, а еще про то, что должно пройти три года, прежде чем мы сможем покинуть подземелье, а прошло на данный момент всего два... и как меня страшит это понимание, ведь я столько времени отводил глаза людей... Говорил я долго, мне необходимо было выговориться, ведь в этом мире, несмотря на свой сан и особо приближенных помощников, я по сути был одинок и не хватало мне друзей.

— Но почему ты ничего не сказал народу? — спросил Доктор.

— Боялся! Сначала мне хотелось успокоить их, а потом уже стало поздно...

Доктор помолчал, переваривая сказанное мной, затем взял мою руку, слегка пожал и потянул вверх, намереваясь поставить меня на ноги.

— Пойдем, я кое-что покажу тебе! — Вышли в шумный коридор, под взгляды пациентов, направились в конец — там дверь.

— Почему так много больных? — шепчу я.

— Если ты не заметил, в последнее время в городе нечем дышать... — так же шепотом ответил Доктор, а я подумал: «Нет, не заметил». Но, вспомнив про исцеляющий диск, понял, почему.

Зашли за дверь, притворили ее за собой плотно. Комната, на кушетке, поджав под себя ноги, сидит человек. Тот самый дикарь, с которым я дрался когда-то, но его голова! Она вытянутая, продолговатая и по форме напоминает голову пришельца, а взгляд — осмысленный, ясный, блестит пониманием. Доктор говорит:

— Познакомься, это Гьяси!

— Что с его головой? — Я в шоке, а Доктор усмехается.

— Насколько я понял из беседы с ним, вы дрались, и он утверждает, что чуть не вырвал тебе кадык, это правда?

Киваю и оторопело:

— Из беседы? Но как?

— Естественно, я выучил их язык, а он наш... но речь не об этом... Так вот, вы дрались, он рвет твой кадык, ты сдавливаешь его голову, да так, что она чуть не раскололась, опять же со слов Гьяси... И все закончилось тем, что он скатился вниз по ступеням пирамиды и разможил себе голову. Открытая травма, не шутка, хочу сказать... — Доктор похлопал меня по плечу. — Последствием вышеперечисленного стала вот такая деформация. И деформация не только физическая, но и интеллектуальная. Да не бойся, он не опасен!

Человек смотрит исподлобья, в глазах обида:

— Я и тогда не был опасен и подошел, только чтобы утешить его... Выл он, как волк. А он напал...

— Так и было? — спросил Доктор хмуро.

— Да, но ведь в этот день убили мою жену... — Тут же нахлынули воспоминания, без короны чувства мои оголились, и в голове снова каша и боль, и осознание потери. По-видимому, уловив это, Доктор попытался переключить мое внимание.

— Сейчас не время разбираться, кто прав, кто виноват, на кону жизни людей. Знакомься, Гьяси — это царь!

Доктор рассказывает:

— После последней нашей беседы я зашел к нему с целью выполнить ваше указание — усыпить его! — кивнул на Гьяси. — До этого я усыплял только больных животных, и мне не по себе. И он лежит без сознания, и вроде без труда я могу сделать это, но страшно, а в последний момент он открыл глаза. И смотрел на меня вполне осознанно, не знаю, может, вследствие травмы? Но тем не менее... Он, кстати, понял мой замысел, но не сопротивлялся, лежал смиренно и ждал своей участи...

Гьяси перебил его:

— Я подумал, что попал в преисподнюю, где живут свирепые полубоги, и меня все равно убьют, не один, так второй точно.

Я не удивлен — внешне мы разительно отличаемся от аборигенов, гораздо выше, крупнее и светлее мастью, да и напал, я получается, первым. Все логично!

Доктор продолжает:

— Не смог я усыпить его... ведь не по-Божески это, да и чуждо нам... зато стал лечить, а по ходу лечения изучать. Общаясь, я сравнивал его с нами: поведение, мировоззрение, интеллект, и представь себе, пришел к выводу, что если он и отличается от нас, так только внешне. По крайней мере, Гьяси, но опять же, не будем исключать травмы. Потом у него стала изменяться форма головы из-за сдавливания... а разговоры с ним доказывают, что он поумнел. Сородичи его в принципе примитивны.

Гьяси утвердительно закивал и проговорил грустно:

— С таким черепом они не примут меня обратно — убьют... И меня, и детей, ведь я теперь урод, а уроды не должны жить и тем более давать потомство... У нас так... поэтому пусть лучше думают, что я погиб!

Доктор смотрит выжидающе, ждет от меня признания для Гьяси, но я молчу, будто воды в рот набрал, да и как сказать человеку, что, возможно, вся семья его давно погибла, а может, и весь род, и племя. Как признаться, что рычаг отмены их мучений все время был у меня? Внутри все рвется на части, опускаю плечи и закрываю глаза руками.

— Ладно, я сделаю это за тебя. Скажу... а ты крепись, Гьяси, не раскисай! Царь виноват лишь отчасти, это Верховный... А его попросил молчать, из благих побуждений!

Гьяси побледнел, губы его задрожали.

— Что случилось? Что с моей семьей?

— Не знаю, что с семьей, но народ твой терпит сейчас страшные лишения. Ужасные лишения — голод и жажду, и возможно многих уже нет в живых. И еще, мы нашли мальчика, что искал своего отца, и утверждает он, что отец его спустился сюда и пропал.

Гьяси смотрит пустыми покрасневшими глазами то на меня, то на Доктора.

— Где он? Мне надо увидеть его!

— Он болен, ему противопоказаны любые встряски, но краем глаза, из-за угла, ты можешь глянуть... Пойдешь ночью, когда больные покинут лечебницу, не дай-то Бог увидит тебя кто, такого красавца... Знаешь ли, у нас люди тоже не привыкшие к таким метаморфозам!

До ночи беседовали, спорили, и в спорах зарождался план. Гьяси требовал, чтобы я немедленно поставил Луну на место, Доктор был категорически против, ведь это означало, что его народ останется запертым в подземелье и в скором времени начнет гибнуть от голода и жажды, в точности как дикари. Спорили долго, и что не придумаешь, везде тупик, везде напрасная жертва, либо одни, либо другие. В скором времени рассорились и замолчали, гневно зыряка друг на друга, и тут я, нерешительно, боясь разгневать их еще больше, рискнул предложить свою версию. Если от деформации головы Гьяси изменился, значит, измениться могут и другие. Вывод напрашивается сам собой. Надо заставить их согласиться на операцию по изменению черепа.

Аборигены полны предрассудков и суеверий, а сейчас они особенно уязвимы и ради выживания пойдут на все. Да и смотря как преподнести эту меру! Можно обрисовать все так,

словно это жертва, новая жертва Богам. А пока процессы в их головах изменяются — подготовить армию. Да-да! Не факт, что деформация повлияет на них так, как на Гьяси, вполне вероятен любой поворот. К тому же зачем кому-то умирать от голода, если можно решить спор в честном бою. Помолчали. Каждый думает о своем. Но потом, после бурных обсуждений, все же порешали, что это единственный выход.

И вот ночь, в коридоре больницы тишина, пошли посмотреть на мальчика. Обмотали голову Гьяси бинтами, чтобы встретившиеся ненароком чужие глаза не увидели ее, и идем. В помещении, где находится ребенок, тихо, и горит мягкий огонек свечи. Из проема двери Гьяси заглядывает несмело, бледнеет и шепчет:

— Старший сын! Что с ним? — Поворачивает ко мне лицо, а оно из смуглого сделалось белым, как бинты на его черепе, хватает меня за плечи и с силой трясет. — Говори! Говори, с остальными то же?

Я киваю, а он отпускает мои плечи и вдруг падает на колени передо мной.

— Немедленно прекрати их пытку! Умоляю, будь милосерден! Ты царь! У тебя власть!
— Он уже рыдает. — Моя жена! Дочери!

Мальчик зашевелился, вероятно, почувствовал присутствие отца.

— Т-с-с-с! — Доктор поднял Гьяси и отвел его в сторону. — Мы же договорились!

Гьяси смотрит только на меня, прямо в глаза, безутешно, безотрывно:

— Ты должен помочь им, сегодня же, сейчас же, потом может быть поздно!

Доктор отошел и вернулся с бинтами.

— Пойдем!

— А бинты зачем?

— Ты не сможешь зажать голову каждого своими руками, пусть перетянут их... Пойдем уже!

Мне почему-то боязно, и ощущение, что что-то я делаю не то... А Доктор толкает нас к выходу...

Глава 8

Пустыня. Светлый, безмятежный день, солнце радостно и равнодушно озаряет бескрайние пески и пирамиду, и будто не происходит ничего страшного, но тишина. Тишина выдает покинутость этого места, и город, полузанесенный, больше сейчас напоминающий пустынные холмы. А пирамида блеском своим, и свежестью, и ненужностью, и чужеродностью напоминает, что этот мир мертв и без ее применения. Я вывел проекцию, приблизил место стоянки людей. Гьяси — бледный и напряженный, стучит зубами за моим плечом и вглядывается с надеждой в экран. Окружаю нас защитным куполом, перемещаю к стоянке, и теперь лишь холм разделяет нас и лагерь дикарей. Смотрю на Гьяси:

— Готов? — Он мотает головой, но идет по холму ближе, мы за ним.

Страшное зрелище открывается нам.

Люди спят. Тела их, иссушенные, истощенные, вповалку лежат у почерневших оснований потухших костров. Дети со вздутыми животами, голые, темные женщины, всклокоченные волосы, пыль, смрад, мухи. Крокодил, наглый хозяин реки, сыто прогуливается по краю лагеря в поисках подходящей жертвы. Людям плевать на него, они уже не обороняются, их бдительность спит. Люди спят. Кто-то вздрагивает, кто-то стонет, кто-то повизгивает во сне, и никто никого не слышит. Крокодил присмотрел младенца, свернувшегося калачиком возле матери, разинул уже пасть. Крик. Это Гьяси не выдерживает и бежит уже.

Крокодила бьет разрядом тока от купола, мать с младенцем тоже. Люди просыпаются, слабый ропот, стоны, шуршание. Встают, полчище голодных, ослабевших, низкорослых людей на трясущихся конечностях, с выпученными животами, чумазами, липкими ото сна обезьяньими мордочками жмутся друг к другу, переполненные суеверного ужаса. Мужчины выставляют вперед копыта и мотыги, за их спинами женщины и дети цепляются раскоряченными пальцами за их плечи и выглядывают, безумно вращая белками глаз. Гьяси возвращается к нам, шепчет:

— Что с ними стало!

Доктор, повернувшись к толпе, кричит:

— Мы принесли вам благую весть!

Вперед выходит вождь, тот самый, что держал головы Азанет и Пришельца когда-то, и словно парализовало меня от воспоминания тех событий. Азанет встала перед глазами, и шепчут ее губы: «Прошу, не меняй ничего!» — и я уже сомневаюсь в правильности решения, но Гьяси разговаривает с братьями, и хоть он не знает языка, по всему видно, что нашел с ними понимание. Развязывает бинты, показывает вытянутый череп, толпа охает, мужчины снова направляют в нашу сторону свое нехитрое оружие, но Гьяси продолжает. Трясет бинтами, яростно кричит, а глазами нервно шарит по лицам — ищет своих родных. В конце концов спрашивает, и дикий крик искажает его черты, он кидает бинты в толпу и отворачивается, тяжело дыша и закрывая лицо руками. Несмело к бинтам ковыляет вождь, понюхал, лизнул, повернулся к застывшим, оторопелым соплеменникам, проговорил что-то, вынул нож, отрезал полосу и непослушными пальцами стал оборачивать свою голову. К нему подбежали, помогают...

— Ту же... — шепчет Доктор и кричит им на их языке.

Старик лег, помощник уперся стопой в его лицо и тянет что есть силы, вождь хрипит.

— Достаточно!

Вождь готов, стоит, держится за череп, хлопает глазами и, оскаливаясь, улыбается. Остальные пытаются последовать его примеру, и бинтов мало, и потому начинают драться. Шум, вой, рычание — дикое стадо варваров. Доктор смотрит в ошалелом ужасе.

— И это люди?

Гьяси не выдерживает:

— Их такими сделали ради выживания таких, как вы! Не думай, что при схожих обстоятельствах вы не потеряли бы человеческий облик!

Доктор вздыхает — соглашается.

Наконец все перебинтованы, и толпа встает, смотрит не мигая, выжидая, то на нас, то на реку — а я вопросительно на Доктора.

— Я сказал им, что как только они стянут головы, река разольется...

— Зачем? Ведь они могут снять бинты!

— Не снимут, теперь они под защитой Богов, как только хоть один из них разбинтуется, засуха вернется вновь...

Мы смотрим на Гьяси. Он стоит понуро и безразличен к происходящему, и будто не с нами. Жаль его, ведь попав случайно в подземный город, он хоть и избежал подобной участи и не разделил страданий своего народа, но потерял семью, а был бы с ними, возможно, у них появился бы шанс выжить.

— Надо увести людей подальше! — постановил я. — Река разольется, и их смоеет течением...

Доктор крикнул в толпу. Люди засуелись, забегали, принялись собирать детей, поднимать раненых и обессиленных, все со стонами, с плачем, бормотанием. Собрались. Доктор призвал их следовать за нами, двинулись в сторону, подальше от потрескавшейся почвы русла. И было что-то символичное в этом.

Гьяси — низкий, коренастый, чернявый, с неестественно вытянутым черепом — человек прошлого. Доктор — сероглазый, статный, в волосах седина — человек настоящего. И я — высокий, светлый, с бледной кожей, subtilный интеллигент — человек будущего. А за нами орава. Измученные, приоткрывшие в зловонном дыхании свои голодные рты, с подернутыми мути глазами, грязные, голые, смрадные, со спеленутыми накрепко головами дикари идут нестройным табором. Кто они? Прошлое? Будущее? Настоящее? Сейчас уже не имеет значения, поздно думать об этом.

Отошли уже прилично, встали на песчаный пригорок. Я выдвинул проекцию, Солнечная система как на ладони. Луна, и точка, что обозначил Пришелец. Пальцем притягиваю луну, ставлю ее в точку. Вглядываюсь в небо, оно светлое, и потому не сразу я увидел ее появление. «Да вот она! Как будто и не передвигалась никуда!» Но ничего не происходит, люди молча смотрят на долину, где должна появиться вода, переводят взгляды на нас, в них тоска и страх. Неожиданно вождь заголосил, упал перед нами на колени, потянул руки, за ним остальные. Лес рук, перетянутых черепов, и вой толпы заглушает другой звук.

Издали нарастает гул, люди не слышат его, перекрикивают сами себя. Крокодилы в ручье зашевелились, закрутились, дергая хвостами и издали напоминая клубок змей, стали, извиваясь, удирать из всех своих крокодилий сил. Гул нарастает, превращаясь в рев, и уже люди слышали его, встают, от слабости ноги их подгибаются, но из-под спутанных волос — глаза, а в них надежда.

Вода! Бурля пеной, шумно, тяжело, свободно идет — смывает крокодилов, и беспомощно, словно бревна, крутятся они по поверхности. А люди ликуют, улюлюкая и смеясь в голос, бегут к реке, забыв обо всем, тут и хромые, и увечные — не отстают. Я смотрю на друзей, Доктор улыбается задумчиво, Гьяси плачет, перемещаю всех обратно, к входу в подземный город. «Мы сделали это! Мы справились!» Обнимаемся.

Доктор говорит тихо:

— Не знаю, поможет ли перетяжка? Даже если головы их и вытянутся, где гарантия, что они поумнеют? — Вздыхаем, а в моей голове мысль: «Армия! Здесь, как ни крути, без армии не обойтись...»

— Одной воды мало! Придется поделиться с ними запасами... — Доктор прерывает мои раздумья. — Люди истощены и до следующего урожая вряд ли протянут... сожрут друг друга! А ты что скажешь, царь?

Я кивнул. Отступать некуда, и раз уж полдела сделано, так надо завершить его.

Вернулся в покои, чувствуя себя совершенно разбитым, однообразное утро заглядывает в окно, и однообразные звуки просыпающегося города заполняют улицы за ним, а душа моя рвется в сомнениях, ощущение, будто не спас я сейчас целый народ, а совершил преступление. Человеконенавистническое, богопротивное преступление, ведь только что я снова послушался пришельца, и от самобичевания — молюсь. В молитве вспоминаю Азанет и прошу у нее прощения, ведь я почти не страдал от ее смерти, прошу у Бога, чтобы все, что я сегодня сделал, было не зря, и чтобы моя слабость не стала тупиком для обоих народов. Чтобы обошлось без войны, и хотя эпоха эта дохристианская, крещусь размашисто три раза, как положено в православии. За моей спиной кто-то кашляет. «Анхер!» Я помню о своем обещании рассказать им все, и сделать это я должен был еще вчера. Но сейчас я опустошен и хочу одного — спать! Да и речь бы подготовить, а соображаю я туго, очень туго...

— Вы собирались объяснить, что нас ждет!

Голос Анхера дрожит, а я скривился и замахал руками:

— Не сейчас, вечером, соберите пока людей! Сказать надо будет всем...

Перебивает:

— Мы избранные вами и не можем узнать первыми?

Смотрит так, что мне не по себе. «И когда они успели возгордиться?» — Но вспоминаю их ссоры и споры, глупые полосатые платки, что по любому поводу срывали они друг с друга. «Конечно!» — То, что забавляло меня, не пресеченное вовремя, переросло в жажду быть отличными, жажду власти, и теперь, когда их уклад пошатнулся и вот-вот рухнет, они хотят понимания обстановки. Подготовиться, запастись, продумать свое будущее, обезопасить себя, и все на основании исключительности, избранности и оторванности от простых своих собратьев.

Строго, глядя Анхеру прямо в глаза, высокомерно отстукиваю словами:

— Вечером! И всем! Это не обсуждается!

Взгляд Анхера буравит меня, он цедит сквозь зубы:

— Хорошо, я уйду, но если что, пеняйте на себя, повелитель...

И ушел, а я успокаиваю сам себя: «Ну что он сделает? Люди в этом городе другие, не казнят же меня!» — Как в воду глядел! — «Вечером объясню все, а на Анхера возложу ответственность за сбор военных сил. Сразу забудутся все обиды, ведь такая честь!» — Улегся и почти безмятежно заснул.

Подземный город. В нем вместо привычных жителей — дикари с поверхности, они сытые, спокойные, собрались на площади и слушают, что говорит им Пришелец. А он на пирамиде, и слов не разобрать, но судя по реакции толпы, по восторженным крикам, понятно — его слова нравятся им. Рядом с пришельцем смуглая девочка лет пяти — Азанет. Она тоже улыбается, ее веселит происходящее, и держит Пришельца за руку, жмется к нему, смущаясь и хлопая изумленно глазенками, глядит с интересом на людей. Пришелец указывает на храм, говорит о Боге, о вере в Единого и Несокрушимого, люди кивают, хлопают, склоняют темные головенки в молитве. Идиллия! Вершина творения!

Ночь. Несколько человек, бросая тени кургузыми фигурками, быстро пробегают мимо, они хихикают тихонько, и видны в темноте их крупные белые зубы. Забегают в дом — это мастерская по камню. Огромная статуя Пришельца белеет в углу. Начинают подходить еще люди, они дивятся на статую, они довольны, в их личиках полное удовлетворение и нетерпеливое ожидание.

Сбор у пирамиды. Выходит Пришелец, снова говорит, снова о Боге, снова молитва. На повозке подвозят статую, люди аплодируют, свистят, всеобщее ликование! Пришелец в негодовании, молчит, смотрит свысока на беснующуюся толпу бледными, подернутыми гневной пеленой глазами. И чувствуется ярость в этих глазах, и в синей закипающей крови, что прилила в страшное лицо, и в тяжело вздымающейся груди. Развернулся и ушел.

Толпа в недоумении — «Что не так?» Опечалились люди и потихоньку расходятся, увозят статую на скрипучей телеге.

Ночь. Пустыня. Костер. Вокруг костра люди, чуть поодаль статуя, люди молятся на высеченного из гранита пришельца, в ужасающем реликтовом танце плачут, стонут, беснуются вокруг пламени. «Бог оставил нас! В чем мы провинились? За что изгнание? Мы молились ему, мы любили его, мы изобразили его в надежде быть ближе, прикоснуться к великому... Нужна жертва! Девочка, выкраденная тайком, хитростью и уговорами, под покровом ночи! Такая близкая ему и такая далекая нам!» Азанет! Ее волокут, бросают в костер, накрепко связанную, беззащитную. В огне она извивается, дергается, ее подпихивают мотыгами, присыпают раскаленным углем, только вопль, смертный, безграничный, последний рассекает пустыню...

«Да это я воплю!» Лежу в постели и ото сна, от ужаса — воплю. Надо вставать, впереди тяжелый разговор! Я встал и по привычке потянулся поправить корону — «Тьфу ты! Она же осталась у Доктора!» Мне вспомнилась вчерашняя ночь, и снова отчаяние охватило сердце — «Какой же я все-таки слабый!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.